В НОМЕРЕ

Вряд ли кто-то станет спорить, что процесс эволюции общественного сознания носит долговременный характер. Похоже, что для подтверждения этой хрестоматийной истины Беларусь подходит лучше, чем любая другая страна.

Незаконный вооружённый захват большевиками власти в 1917 году расколол белорусское общество не только политически, но и духовно. Под напором тотальной и массированной пропаганды сначала коммунистических, а позднее социалистических идей, привлекательных по форме, но разрушительных по своим последствиям, прежние ценности, базирующиеся на христианской морали, отступили на второй план. Право собственности перестало быть священным и неприкосновенным, верховенство закона сменилось принципом целесообразности, требование партийности литературы привело к полному исчезновению свободного от цензуры слова, воинствующий атеизм пришёл на смену христианской морали и стал для «борцов за народное счастье» средством строительства «царства божьего» на земле. Большевики, вообразив себе, что они познали законы развития истории, стали на путь переделки не только материальных, но и духовных основ жизнедеятельности людей. Подобная «пагубная самонадеянность» коммунистов обернулась для жителей бывшего СССР отнюдь не «счастливым детством» и «коммунистическим раем», а принесла им неисчислимые страдания и бедствия, массовые репрессии и гибель миллионов и миллионов людей. К счастью, полной победы над человеческой природой большевикам добиться не удалось. Она оказалась гораздо устойчивей ко всякого рода заоблачным экспериментам. Прежние ценности, веками исповедуемые людьми и передаваемые ими из поколения в поколение, несмотря на неблагоприятные условия, всё же сохранились у многих людей. Конечно, сфера распространения этих ценностей значительно сузилась, они существовали в полуподполье и являлись своего рода моральным символом борьбы с безбожными большевиками.

В Беларуси раскол в сфере общественной морали и сознании людей, в отличие от бывших стран народной демократии и Прибалтики, начался сразу после 1917 года и оказался на порядок сильнее. В Польше, Литве, Венгрии, Чехии и других странах после свержения коммунистических режимов, опиравшихся на поддержку извне, процесс возвращения к общечеловеческим ценностям прошёл достаточно безболезненно. Общество в этих странах в короткий срок посредством проведения демократических выборов вернулось к прежней христианской морали и демократическим ценностям. Впрочем, достижение консенсуса по основополагающим ценностям совсем не означало, что в этих странах установилось единомыслие. Но здесь никому, кроме маргиналов, не приходило в голову объявлять войну частной собственности, бороться, к примеру, со свободой слова или ликвидировать местное самоуправление. В подходах к оценке и значению этих ценностей у разных социальных групп и слоёв населения нет антагонизма, взаимоисключающих точек зрения, хотя и существуют отличные друг от друга мнения на этот счёт.

В 1996 году на международной конференции, проходившей в Минске, в докладе одного, ныне высокопоставленного, польского политика, посвященном причинам, обусловившим успех польских реформ, прозвучало, для многих неожиданно, два отнюдь не экономических тезиса: 1)введение местного самоуправления и 2)обеспечение реальной свободы слова. И каким бы ни было различным, на первый взгляд, понимание этих ценностей, никто в Польше не подвергал и не подвергает сомнению их значимость для нормального, устойчивого развития общества.

Возьмем другой, менее очевидный, пример. Ещё не так давно государственные средства массовой информации нашей страны чуть ли не ежедневно упражнялись на предмет того, что, мол, большинство поляков против вступления своей страны в НАТО. На деле же оказалось, что ни так называемые правые силы, связанные с «Солидарностью», ни левые — бывшие коммунисты и их союзники — не выступают против вступления своей страны в эту организацию. И руководствуются они при этом не столько экономическими или меркантильно-прагматическими соображениями, сколько поиском установления прочных гарантий для сохранения на своей земле таких общемировых ценностей, как свобода, частная собственность, политический и идеологический плюрализм, независимость и благосостояние.

Достижение в обществе консенсуса во взглядах на общепризнанные демократические ценнос-

ти свидетельствует о завершении переходного периода в той или иной стране. К сожалению, Беларусь, как, впрочем, и Россия, в силу ряда причин не смогла выйти из состояния переходности. Поэтому у нас политическая борьба имеет лишь внешнее сходство с подобного рода борьбой в демократических странах между, например, социал-демократами и консерваторами. Какими бы витиеватыми фразами ни прикрывал свою сущность правящий режим, каждому думающему человеку ясно, что противоречия между ним и белорусской оппозицией не есть противоречия, присущие демократическому обществу.

В следующем году президент и его «вертикаль» собираются провести выборы депутатов в местные Советы. О серьёзности намерений исполнительной власти свидетельствует подготовленный в недрах президентской администрации соответствующий проект Закона. Для политика и юриста, понимающего, что он живёт в условиях переходного общества, данный проект Закона неприемлем, так как он не содержит даже с чисто юридической, формальной стороны механизма, с помощью которого можно было бы воспрепятствовать различного рода фальсификациям в ходе избирательного процесса. Но то, что понятно нам, — не всегда очевидно для западных экспертов и политиков, которые привыкли жить в условиях нормально развивающегося демократического общества и поэтому часто недооценивают значение процедурных тонкостей, которые содержатся в белорусских законодательных и нормативных актах. Поэтому, оценивая подготовленный президентской администрацией проект Закона с чисто внешней, формальной стороны, они могут не заметить подводных камней и рифов, которые делают невозможными проведение у нас честных, конкурентных, свободных и справедливых выборов. В первую очередь это касается: порядка формирования избирательных комиссий; прав и полномочий общественных наблюдателей и получения ими заверенных копий протоколов об итогах голосования как непосредственно от участковых, так и вышестоящих избирательных комиссий; условий финансирования избирательной кампании; процедуры досрочного голосования и голосования в день проведения выборов на дому; порядка составления протоколов о промежуточных и окончательных итогах голосования и доставки этих протоколов в вышестоящие избирательные комиссии. Если процесс выборов на всех стадиях избирательного процесса не будет носить открытого, «прозрачного» характера, если общественность не будет уверена, что выборы прошли без фальсификаций, избранные органы власти не будут считаться легитимными, не будут пользоваться доверием у населения, а это будет означать, что белорусское общество по-прежнему не достигло консенсуса во взглядах на общедемократические ценности и остается в состоянии переходности.

Демократия не придёт сама собой. Никто — ни Запад, ни тем более Восток — не принесёт нам свободу «на тарелочке с голубой каёмочкой», она должна стать плодом нашего внутреннего развития. Если для нас демократия и свобода действительно являются ценностями, то за них надо бороться повсеместно и ежедневно, «не щадя живота своего», в том числе и во время проведения избирательных кампаний. Но и выборы сами по себе не будут свободными, если мы займем пассивную и созерцательную позицию, а не станем вести подготовку к ним, требовать демократического законодательства и демократических условий их проведения.

Отказ от участия в выборах должен последовать лишь после того, как демократические силы в результате предпринятых ими действий так и не смогут добиться от существующего режима принятия приемлемых для себя условий: доступа к электронным средствам массовой информации, формирования избирательных комиссий на паритетных началах, организации широкого общественного контроля за ходом избирательного процесса, принятия избирательных законов органами власти, чья легитимность ни у кого бы не вызывала сомнения.

Михаил ПЛИСКО,
главный редактор бюллетеня «Адкрытае грамадства»

Валерий КАРБАЛЕВИЧ,
кандидат исторических наук

ПРИВАТИЗИРОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО

Создание авторитарного государства в Беларуси диктует необходимость проанализировать его мировоззренческие истоки, методы и механизмы функционирования.

Одним из главных тезисов всех выступлений президента Республики Беларусь является вопрос о сильной власти. Главным недостатком в деятельности правительства Кебича Лукашенко считает его слабость, отсутствие политической воли. Он не раз повторял, что до его вступления в должность власть чуть ли не валялась под ногами. В обращении к гражданам страны накануне референдума Лукашенко подчеркнул: «Вспомните: мы уже пережили время безвластия, а точнее всевластия Верховного Совета, время коллективной безответственности». В этом президент видит основную причину кризиса и развала, которые несколько лет назад поразили страну. И важнейшее достижение своей деятельности Лукашенко как раз усматривает в установлении сильной власти. Он постоянно подчеркивает, что с завершением формирования крепких государственных структур как в центре, так и на местах в форме «вертикали» созданы все условия для «наведения порядка» в стране. В своем докладе на заседании Национального Собрания 17 апреля 1998 г. Лукашенко заявил, что в Беларуси создается «принципиально новая модель государства», которую он определил как «эффективное государство».

Мировоззренческой основой таких подходов является упрощенный взгляд на общество, представление, что оно развивается только по воле людей, без учета влияния объективных факторов. Это ведет к тому, что общественный организм рассматривается лишь как объект воздействия со стороны государственного аппарата. И управление им — задача не социальная, а административная.

Представление президента о главных факторах процветания государства зафиксировано в следующей формуле: «Судьба государства зависит от уровня дисциплины, строгой персональной ответственности и обновления кадров, жесткого контроля за деятельностью государственных структур, умения честно работать в новых условиях». Однако эта упрощенная модель годится скорее для совхоза, чем для такой сложной социальной системы, как современное государство.

Убежденность в неограниченных возможностях государственной власти, действующей с помощью приказов, порождает совершенно утопические задачи типа запустить заводы, вернуть цены назад, осуществить реформы без снижения уровня жизни населения, удержать инфляцию в пределах не более 2% в месяц при одновременной массированной денежной эмиссии и т.д.

Вполне закономерно, что такому представлению президента больше соответствует модель не демократического, а авторитарного или даже тоталитарного государства. Не случайно Лукашенко с большой ностальгией вспоминает систему государственного управления в СССР, жалеет о ее разрушении и пытается восстановить наиболее существенные элементы: административную пирамиду со строгой иерархической подчиненностью, кадровую политику, отношение к праву, роль спецслужб и др. В реальности оказывается, что провозглашенная «принципиально новая модель государства» есть не что иное, как плохая копия старой советской модели. Она основывается не на Конституции, законах, предусматривающих разделение властей, гарантию прав человека, наличие оппозиции, независимых СМИ, а на неограниченной власти государства во главе с авторитарным правителем.

В рамках такого понимания государственного устройства вполне естественны откровенные симпатии Лукашенко к форме правления, существующей в Узбекистане, Китае, Ираке, Кубе, Северной Корее. И как логическое завершение его политических взглядов — апологетика гитлеровского государства в его печально знаменитом интервью немецкой газете «Хандельсблат». Знаменательно, что, желая опровергнуть утверждения независимых СМИ о его симпатиях к Гитлеру, Лукашенко в день выборов 10 декабря 1995 г. на избирательном участке разъяснил, что он

является приверженцем не самого фашистского фюрера, а созданной им модели государственного устройства.

Однако стремление установить авторитарную власть вступает в противоречие с объективными общественными процессами, начавшимися 10 лет назад. Вместо тотального государственного управления стихийно возникают элементы саморегулирующегося гражданского общества. Государство стало освобождаться от многих функций, которые переходили к общественным структурам, гражданам.

Однако эта тенденция вызывает отрицательную реакцию у Лукашенко. Он рассматривает ее как безвластие, анархию, ослабление управляемости. Президент убежден в бесспорном праве государства жестко контролировать все социальные процессы в обществе. И любое автономное от властей, самостоятельное, слабо поддающееся государственному управлению явление (например, предпринимательство) — есть нечто аномальное, выпадающее из нормы, исключение из правил. Понятно, что всякие претензии структур гражданского общества на самостоятельную роль воспринимаются президентом как личный вызов. Он видит в них (и вполне справедливо) конкурентов в решении общественных проблем. Реакцией на это стало жесткое требование к вертикали навести порядок и дисциплину, «восстановить управляемость».

В экономической сфере это проявляется в торможении приватизации («Нам удалось сохранить единый народно-хозяйственный комплекс», — заявляет президент), создании юридических и административных препятствий для деятельности предпринимательских структур (в стране скоро не останется видов деятельности, которые бы не лицензировались), огосударствлении частного сектора, в первую очередь, коммерческих банков. Намерение властей создать единую конфедерацию, объединяющую в один колхоз всех представителей негосударственного сектора, — важный шаг на этом пути.

Идет планомерное наступление на структуры гражданского общества, третий сектор, негосударственные организации. Процесс огосударствления принял всеобъемлющий характер, захватывает все новые сферы — от гуманитарной помощи до пропаганды правовых знаний.

Создание президентской вертикали свело на нет значение демократического принципа местного представительства, вытеснило местное самоуправление на периферию общественной жизни. Советы, служившие ширмой власти КПСС, теперь стали бессильным придатком вертикали. К тому же их количество сократилось. Президент своим указом упразднил 54 городских и 48 поселковых Совета. В советские времена заботились хотя бы о сохранении видимости власти советов. Существовала стройная пирамидальная система их построения с четко регламентированным порядком выборов, заседаний и пр. Сейчас в их деятельности наблюдается полный хаос. Где-то работают старые советы, избранные еще в 1990 г., в некоторых местах избраны новые, а кое-где они даже формально не функционируют. В разработанном проекте нового закона о выборах местных советов сознательно сохранена прежняя 50%-ая планка явки избирателей. В таком случае можно безошибочно прогнозировать, что в крупных городах советы снова не будут избраны

Усиление административно-командных методов управления страной неизбежно ведет к возрастанию роли силовых структур и прежде всего спецслужб. Они становятся социальной опорой режима, существенным фактором его жизнеспособности, главным звеном государственной власти. Уже через полгода после вступления в должность Лукашенко заявил: «Я готов поддержать МВД, КГБ и армию..., потому что они — опора президента во всех сферах», «Вертикаль создана. Опора сделана на КГБ, МВД». Выступая на коллегии КГБ 20 декабря 1996 г., он констатировал: «Сотрудники спецслужб являются ядром белорусского общества», «КГБ — основа сильной президентской власти», «Моя судьба как политика тесно связана с КГБ».

Укрепление силовых структур стало важнейшим направлением политики президента. Сегодня в стране действуют семь служб с правом ведения оперативно-розыскной деятельности. Причем некоторые из них — с весьма сомнительной правовой основой. Так, до мая 1998 г. деятельность Службы безопасности президента (СПБ) не регламентировалась законами. А между тем СБП активно участвовала в задержании представителей оппозиции. Именно эта служба арестовала министра сельского хозяйства Леонова.

Беларусь все больше становится похожей на полицейское государство. В органах МВД слу-

жит около 120 тыс. чел., что превышает численность вооруженных сил страны в 1,5 раза. Количество работников органов внутренних дел на душу населения в 4,5 раза больше, чем в соседней Польше (100 тыс. полицейских на 48 млн. жителей).

Резко возросло финансирование этих структур. Удельный вес расходов на содержание органов внутренних дел в общей сумме расходов государственного бюджета составлял в 1994г. 2,6%, в 1995 г. — 4,08%, в 1996 г. — 4,6%. Соответственно на органы государственной безопасности: 1994 г. — 0,44%, 1995 г. — 0,7%, 1996 г. — 0,8%. В последние два года определить подлинные расходы на силовые структуры, спецслужбы стало сложно ввиду существования у главы государства нескольких бюджетов.

Такое огромное внимание к деятельности спецслужб обусловлено тем, что их функции в нашем государстве намного шире, чем в демократической стране. Убежденность Лукашенко в том, что все общественные проблемы можно решить административно-командными методами, трансформировалась во вполне определенные задачи, которые поставлены перед КГБ и МВД. В частности, на их плечи взвален целый комплекс экономических проблем. Так, милиции поручено стать важным инструментом поддержания валютного курса (борьба с «менялами»). А председатель КГБ Мацкевич в качестве недостатков деятельности комитета отмечал слабую помощь в продвижении продукции белорусских предприятий на внешний рынок.

Лукашенко вернул спецслужбам те функции, которые они имели в СССР. Принятый недавно закон «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» предусматривает, что КГБ, как и в советские времена, является одновременно спецслужбой, правоохранительным органом и органом государственного управления.

Беларусь — единственная посткоммунистическая страна, где КГБ сохранил свое прежнее название. Что очень знаменательно. Не только не скрывается, а настойчиво выпячивается историческая преемственность нынешних белорусских органов госбезопасности с их зловещими предшественниками. В 1997 г. в Республике Беларусь на официальном государственном уровне торжественно отметили 80-летие ВЧК-КГБ и 120-летие со дня рождения Дзержинского. Председатель КГБ Мацкевич объявил, что белорусские чекисты будут действовать под девизом «Жить и работать по Дзержинскому». Совсем не случайно в государственных газетах появилась статья Залесского, оправдывающая сталинские репрессии. А прокуратура получила задание разрушить единственный официально признанный в Беларуси символ тоталитаризма: доказать, что в Куропатах расстреливало не НКВД, а гестапо.

После ноября 1996г. власти перестали маскировать, что одним из важнейших направлений деятельности спецслужб является борьба с политическими противниками режима и лично президента. Через месяц после референдума председатель КГБ Мацкевич поставил перед своим ведомством задачу не пропустить попытки политической оппозиции реанимировать свои структуры и дестабилизировать обстановку в стране.

Но спецслужбы борются не только против оппозиции. Они занимаются всеобщим политическим сыском, проверкой лояльности, поиском компромата на высших должностных лиц. При этом спецслужбы не ограничены никакими законами. Уже не раз Лукашенко с обескураживающей наивностью, как бы мимоходом, давал понять, что ведется прослушивание представителей оппозиции, депутатов. Летом 1996 г. на совместном заседании Кабинета министров и Совета безопасности Лукашенко, желая похвалить главу правительства Чигиря, простодушно заявил, что тот даже дома в приватных разговорах с женой не позволяет себе критиковать президента. А «признание» президента в прослушивании разговоров западных послов вызвало международный скандал.

Понятно, что создаваемое Лукашенко государство не может быть правовым по определению. Отчасти это обусловлено воинствующим правовым нигилизмом самого президента. Он относится к праву в полном соответствии с социалистическими традициями. Его представления, основанные, как и у всех советских людей, на уважении не к закону, а к начальству, остаются на уровне обыденного сознания. Он уверен, что если президент «всенародно избранный», то может делать все, что заблагорассудится. Отсюда его откровения. «Закон этого не разрешает мне делать. Честно говоря, я пошел на нарушение закона» (Звязда, 24 сентября 1994 г.). «Я обложен этими законами. Я не посмотрю ни на закон, ни на что»(Из выступления президента перед вете-

ранами 2 февраля 1995 г., Свабода 1995, № 6). «Порой приходится спасать государство, нарушая закон» (Из беседы Лукашенко с работниками завода «Горизонт» Советская Белоруссия, 15 мая 1996 г.). «Если только хоть маленькая будет зацепка, я вам обещаю — без суда и следствия всех до единого, кто причастен к этому, — в каталажку» (Из выступления президента по Белорусскому телевидению 20 июня 1996 г.). «Да разве я буду глядеть на какие-то законы, если страдает рядом человек ?» (Из интервью Лукашенко группе российских журналистов 15 мая 1998 г., Белорусский рынок», 1998, № 19).

Лукашенко объявил, что принцип разделения властей стал угрозой для нашего государства. Еще два года назад президент выдвинул оригинальную по новаторству концепцию о «стволе» (президентская власть), на котором должны расти остальные «ветви» власти (законодательная и судебная). После ноябрьского референдума этот доморощенный ботанический мутант начал усыхать. «Ствол» эволюционировал в столб с обрубленными ветками.

Еще в июле 1996 г. в беседе с журналистами, отвечая на вопрос о взаимоотношениях с судебной властью, Лукашенко сказал: «Здесь дело обстоит несколько проще, ведь по Конституции она является фактически президентской. Да, декларирована самостоятельность судов, но назначает и снимает судей с занимаемых должностей, кроме членов Верховного суда, президент. В силу этого президенту проще проводить свою политику через судную власть» (Советская Белоруссия, 12 июля 1996 г.). Напомню, что речь шла о старой Конституции, где власть президента еще чем-то ограничивалась.

Теперь суды оказались в полной зависимости от президентской вертикали, начиная от назначения судей до обеспечения их помещениями, транспортом, предоставления им жилья. Что касается последнего, то президент летом 1997 г. своим указом объявил квартиры, выделяемые вертикалью судьям, служебным жильем со всеми вытекающими отсюда правами на него. Чтобы ни у кого из судей не возникало соблазна поиграть в независимость.

Таким образом функции судебной власти у нас иные, чем в правовом государстве. Она служит не столько закону, сколько исполнительной власти, является инструментом в ее руках. Иллюстрацией этого могут служить многочисленные примеры судебных процессов над представителями оппозиции, о чем много писали независимые газеты.

Совершенно не стыкуется с самим понятием права тот факт, что президент своим указом созывает всебелорусский судейский «партхозактив» (съезд) и дает указания судьям. Лукашенко, как строгий начальник среди своих подчиненных, отчитал их за либерализм, указал на ошибки при вынесении приговоров и предупредил, что поступающие к нему жалобы на деятельность судов находятся на особом контроле. Он потребовал от судов еще более тесного «взаимодействия с исполкомами».

Таким образом, с самого начала своего правления Лукашенко взял курс на ликвидацию правового государства. Постепенно сила права в стране была заменена правом силы. Кульминацией этого процесса стало незаконное введение новой Конституции в ходе референдума 24 ноября 1996 г. Любопытно, что своими указами и декретами президент неоднократно нарушал и собственную Конституцию. Например, декрет об изменении бюджета. Т.е. для президента неприемлем любой закон, любая правовая регламентация вообще, даже собственноручно утвержденная. Известный юрист и политик Гончар отмечал в этой связи: «Игра по правилам — а ведь закон всегда подразумевает следование определенным правилам всех и каждого — в такой ситуации для Лукашенко становится не только разрушающей, но и враждебной, агрессивной средой. Поэтому его желание вырваться из нее вполне понятно... Поскольку такая среда для него не просто дискомфортна, а действительно чужеродна».

Политика Лукашенко нанесла мощный удар по и без того невысокому правовому сознанию населения, закрепила в обществе правовой нигилизм, неуважение к законам. Это подтверждают многочисленные примеры.

В мае-июне 1996 г. учеными НИСЭПИ в ходе социологического исследования задавался вопрос: «Как бы вы поступили с теми политическими силами, деятельность которых не противоречит закону, но, на ваш взгляд, наносит ущерб интересам Беларуси ?» Оказалось, что 68,2% опрошенных считали необходимым запретить или ограничить деятельность таких сил. Другими словами, они убеждены, что политическая целесообразность выше закона.

По данным социологов Могилевского технологического института, 60% молодежи признают возможным и допустимым нарушение закона. Ученые пришли к выводу, что молодые белорусы заражены «вирусом экстремизма».

По количеству заключенных на душу населения Республика Беларусь занимает одно из первых мест в мире. На недавней пресс-конференции генпрокурор Беларуси Божелко проинформировал, что в 1997 г. к административной ответственности было привлечено свыше четырех млн. граждан(!) — это свыше половины взрослого населения страны.

В полном соответствии со взглядами Лукашенко на функции государства осуществляется кадровая политика. Она практически в чистом виде взята из прошлого, из арсеналов комитетов КПСС. В этом есть своя закономерность. Воссоздание прежней социальной модели естественным образом требует такого же метода подбора кадров. Спрос на руководителей, умеющих работать в условиях рынка и демократии, исчез. На первый план выдвигаются люди, исповедующие силовые, административно-командные методы управления, жесткие и в то же время исполнительные, верные вышестоящему начальнику, готовые не задумываясь выполнить любой антизаконный указ. Так, представляя новоназначенного министра образования и науки Стражева, Лукашенко характеризовал его как «волевого, решительного человека». Это, по его мнению, самые важные качества, необходимые для такой должности. Вполне закономерно, что большую роль в ближайшем окружении президента играют кадровые и отставные военные.

Лукашенко, похоже, уверен, что управлять государством или любой его структурой несложно, и для этого не нужно особого ума. Ведь государство — всего лишь «большой совхоз». Президент неоднократно подчеркивал, что в Беларуси, «в отличие от иных государств бывшего СССР, реформы проводят не лаборанты и профессора-теоретики, а практики и прагматики», «которые разбираются в экономике на уровне завода, колхоза, совхоза, фермера». Именно такой технократический подход применялся при назначении первых секретарей райкомов, обкомов партии в недавнем прошлом.

Знаменательно отношение президента к юристам-профессионалам. Лукашенко пренебрежительно обозвал их «букварными юристами», «которые жизни не видели» и пытаются внедрять у нас общепризнанные положения мировой юриспруденции типа «закон обратной силы не имеет». Президент объявил этот тезис выдумкой и подчеркнул: «Законы должны ложиться на нашу жизнь. И законы должны писать те, кто на своей шкуре испытал, что такое реализовать эти законы». Надо полагать, имеются в иду «практики», работники низовых звеньев государственного и хозяйственного аппарата, которые и должны заняться разработкой законов.

Налицо попытка воспроизвести советский опыт периода после октября 1917 г., когда во главе госучреждений ставились рабочие и матросы, а законность заменялась революционной целесообразностью. Наиболее яркая иллюстрация этой тенденции — назначение председателем правления Нацбанка «революционного матроса» Прокоповича.

Своеобразное понимание Лукашенко профессионализма, предпочтение практиков теоретикам ведет к тому, что даже незначительный уровень абстракции, любые попытки концептуального осмысления планируемых действий, системного видения государственных проблем вызывает у него аллергию. Понятно, что соответствующее отношение проявляется у президента и к людям, стоящим за такими подходами. Поэтому вполне естественным является уход из президентской команды Гончара, Булахова, Федуты, Богданкевича.

Неизбежным следствием такого подхода является люмпенизация государственной службы не столько в социальном, сколько в интеллектуальном плане. Интеллект нужен только для обслуживания и обоснования очередного зигзага прихоти президента, его новой пропагандистской кампании. В этом состоит социальная функция профессоров Абрамовича, Василевича, Антоновича, Капитулы....

Президент не раз высказывал сожаление о том, что была разрушена стройная система подбора и расстановки кадров, эффективно действовавшая в коммунистические времена. И Лукашенко распорядился восстановить ее на всех уровнях исполнительной вертикали. Он признался, что через людей, которые когда-то имели отношение к ЦК КПБ, пробует хотя бы найти списки резерва кадров. То есть не свободная конкуренция, конкурс, как в демократическом обществе, а

выдвижение сверху по указанию вышестоящего руководителя стало основным механизмом подбора и расстановки кадров.

Вполне естественно, что при создании вертикали Лукашенко сделал ставку на прежнюю номенклатуру. Именно она стала социальной опорой режима, потому что идеально соответствует тем критериям, по которым теперь подбираются кадры.

О засилье старых кадров на разных уровнях государственной власти говорят сами представители президентской команды. Вице-премьер, бывший руководитель Службы контроля администрации президента Долголев отметил в интервью: «Я считаю, что «вертикаль» президентом проиграна. Там в основном... осталась старая номенклатура» (Звязда, 1 апреля 1995 г.). Главный специалист управления кадровой политики администрации президента Белкина, анализируя деятельность местной власти, утверждала: «Бал по-прежнему правят «бывшие», которые очень неохотно пускают в свою руководящую среду людей не из своего круга». (Советская Белоруссия, 21 ноября 1995 г.).

Президентская газета «Советская Белоруссия», изучая работу вертикали на основе писем читателей, пришла к выводу: «Испуганные было президентом местные царьки постепенно приходят в себя и возвращаются к прежним формам и методам работы. Вновь в ходу чванство, высокомерие, неуважение к простым людям, ловкость при использовании общественного пирога... Старые традиции интриг, расправы с неугодными — вновь поднимают голову» (Советская Белоруссия, 4 августа 1995 г.).

Круг замкнулся. Придя к власти под лозунгом борьбы с зарвавшейся и проворовавшейся номенклатурой, Лукашенко своей политикой способствовал ее регенерации и восстановлению власти над бесправным народом.

Обращает на себя внимание еще одно интересное явление. Кроме личной преданности, важным критерием при подборе кадров становится наличие компромата. В этом случае степень преданности возрастает. В качестве примера можно привести фамилии Титенкова, Агольца и др., которые неоднократно обвинялись СМИ в различных грехах. Это явление, наравне с утверждением в обществе беззакония и единовластия президентской команды, все больше превращает последнюю в структуру, которую часто можно видеть в западных детективах, особенно в итальянских сериалах.

Сформированная в стране социально-экономическая модель не способна функционировать в нормальном режиме, т.е. саморазвиваться, самонастраиваться естественным образом. За последние четыре года были последовательно разрушены все механизмы саморегуляции в экономике и общественно-политической жизни. В экономике упразднены элементы рыночной самонастройки в виде свободных цен, валютного курса, бирж, конкуренции, поиска рынков сбыта и пр. В общественной жизни разрушаются атрибуты демократического самоуправления в виде парламента, местных советов, институтов гражданского общества. Более того, и в самой системе государственной власти произошла резкая централизация, перераспределение властных полномочий от местной вертикали, различных министерств и ведомств к вершине административной пирамиды.

Как в любой подобной системе, именно с этой вершины должны исходить импульсы, приводящие ее в движение. Причем контроль должен быть достаточно жестким. Поэтому неотъемлемым элементом механизма управления здесь являются репрессии. Они выполняют несколько функций.

Одна из них — внедрение в общественную жизнь фактора страха. Причем не только для запугивания ныне действующих или потенциальных противников режима. Страх должен стать важным фактором экономической жизни. В рамках формируемой экономической модели роль материальных стимулов, которые в нормальных хозяйственных условиях являются основным двигателем развития, сильно ограничена. Опыт строительства социализма в СССР показывает, что в какой-то мере их можно заменить энтузиазмом и страхом. Для энтузиазма нужна великая идея и совсем другие исторические условия. Ничего этого сейчас нет. Остался фактор страха. В 30-е гг. «борьба с вредительством» выполняла важную хозяйственную функцию. Сегодня с помощью страха президент пытается заставить работать умирающую экономическую модель, вы-

жимая из нее последние соки. Его действия по-своему логичны. Либо менять систему, либо закручивать гайки и строить лагеря.

В условиях авторитарного режима, когда контроль над правящей элитой со стороны общества отсутствует, репрессии нужны и для удержания на коротком поводке у властителя всех звеньев номенклатуры. В противном случае бюрократия выйдет из-под контроля и превратится в самостоятельную политическую силу со своими собственными интересами, действующую автономно от «батьки» и даже диктующую ему свою волю. Так было во времена Брежнева и отчасти уже в независимой Беларуси в период правления Кебича.

Быть сегодня в Беларуси руководителем — самая опасная профессия. Арест Винниковой должен был запугать всех банкиров. Периодически «прореживают» директоров предприятий (наиболее известные примеры: суд над директором бобруйского «Фандока» Тарановым, суд над директором могилевского «Магатекса» Семеновым). Арест председателя АО «Рассвет» Старовойтова стал предупреждением всем председателям колхозов. А наручники на руках министра сельского хозяйства Леонова — это угроза всей правящей верхушке. Все хозяйственные руководители работают в условиях перманентного террора контролирующих органов. Начальство у нас всегда не любили. Доказать, что именно оно виновато в плохой жизни народа, труда не составит. Любые, самые жесткие меры Лукашенко против руководителей пройдут под бурные овации его электората.

Из недавнего прошлого взята еще одна форма работы с кадрами — «партхозактивы», селекторные совещания. Совершенно невозможная и ненужная в демократической стране, она стала необходимым атрибутом управления в условиях существующего у нас режима. Регулярное проведение съездов, совещаний с работниками различных профессий, отраслей экономики, государственного управления и директивные выступления на них президента с указаниями, угрозами, накачками, демонстративным смещением с должностей, не так уж бессмысленны. Такие методы неэффективны, поскольку неэффективна сама система. В рамках же самой системы «партхозактивы» являются важным инструментом для поддержания ее функционирования.

Необходимым элементом такой системы является гипертрофированная роль контролирующих органов. Кроме укрепления и удержания личной власти, система всеохватывающего контроля должна, по замыслу ее создателя, решить еще две задачи: восстановить работоспособность и жизнедеятельность всех госструктур и, прежде всего, заставить работать экономику; вести эффективную борьбу с коррупцией.

В советские времена органы контроля — комиссии партийного контроля, комитеты народного контроля — являлись придатком партийных комитетов, местных органов власти. Президент фактически вывел их из подчинения местной вертикали и подчинил напрямую себе. Лукашенко превратил контрольные органы в несущую конструкцию государственного управления, важный фактор экономической и социально-политической жизни страны. Как ни странно, но значение чиновника-контролера оказалось выше чиновника-менеджера.

Однако их гипертрофированное разрастание приводит совсем не к тем результатам, которые предполагались. Усиление контроля за хозсубъектами стало серьезным тормозом экономического развития. Бесконечные сменяющие друг друга проверки отвлекают людей от дела. Полученные результаты в виде обнаруженных нарушений не соответствуют затраченным усилиям.

Главный вред, который наносят экономике существующие способы контроля, состоит в том, что он стал серьезным препятствием развитию рыночных отношений. Ибо рынок — это свобода в рамках довольно либеральных правил игры. У нас такие правила в виде рыночного законодательства находятся в зачаточном состоянии и действует принцип тоталитарного общества: запрещено все, что не разрешено законом. И контролирующие органы с азартом загоняют экономические отношения в теневой сектор. Например, борьба против специализированных инвестфондов привела к их параличу и содействовала бурному расцвету всевозможных финансовых пирамид «а ля Мавроди», появлению нового социального слоя — обманутых вкладчиков.

Миссия контролирующих органов состоит еще и в том, чтобы быть материальным выражением той идеи-фикс, с которой Лукашенко победил на президентских выборах: борьбы с коррупцией.

Парадокс состоит в том, что экономическая модель, основанная на преобладании госсоб-

ственности при одновременной частичной либерализации хозяйственной деятельности с вкраплением в нее элементов рынка, является идеальной для коррупции. Об этом говорит опыт стран третьего мира. Однако даже на их фоне Беларусь стоит особняком, ибо нигде нет такой ситуации, когда государственная собственность достигает 80 %. А попытки установления жесткого контроля за хозяйственной деятельностью в условиях переходной экономической модели ведут к разрастанию теневой экономики в геометрической прогрессии, превращают государственный рэкет в постоянно действующий фактор социальных отношений. Если принять во внимание правовой беспредел, воцарившийся в стране, то создается удивительно благоприятная среда для коррупции. Ее масштабы резко возросли, она превратилась в систему. Покойный президент Белорусского союза предпринимателей и арендаторов Кунявский отмечал: «Бизнес в Беларуси криминален не потому, что он криминален по сути, а потому, что криминальна сама обстановка: предприниматель шагу не может сделать, чтобы кому-то «не подмазать».

Между тем количество контрольных органов достигло 16. Они уже мешают друг другу, и возникла потребность в создании при администрации президента совета по их координации. Расцвет коррупции и возрастание численности и роли контрольных органов происходят параллельно, подпитывая друг друга. Парадоксально, но единственный, кто выигрывает от такой ситуации, — это Лукашенко. Для того, чтобы постоянно поддерживать имидж непримиримого борца с коррупцией, нужно осуществлять ее расширенное воспроизводство. Тогда можно популярно объяснять народу, что я, дескать, безжалостно рублю головы этой гидре, а они снова вырастают. Контроль все больше становится фактором политической борьбы, способом поиска компромата против оппонентов.

Как в любой авторитарной административной пирамиде, сидящий на ее вершине властитель должен взять основные рычаги управления на себя. Только в таком случае можно поддерживать функционирование системы. Поэтому Лукашенко единолично принимает все мало-мальски значительные решения. Он выдает лицензии на экспорт важных, по его мнению, товаров, контролирует крупные коммерческие сделки, разрешает приватизацию или акционирование предприятий, руководит развитием исторической науки и написанием школьных учебников, утверждает сценарии художественных фильмов, дает установку перед игрой сборной по хоккею и т.д. Президент не раз публично отмечал, что стоит ему не проследить за каким-либо участком, как там сразу провал.

Следствием этого стала массовая практика обращения населения к президенту для решения любых проблем, которые вполне могут быть решены на местах. Каждый месяц на его имя приходит около 30 тыс. писем с жалобами.

Поскольку механизм саморегуляции и самостоятельного принятия важных решений на всех уровнях государственного управления отсутствует, приходится применять чрезвычайные меры для решения самых рутинных проблем, например, оплаты энергоресурсов. На период уборки урожая в стране вводится «особый режим функционирования». Чтобы обеспечить население минимальным количеством колбасы, президенту приходится прилагать героические усилия, лично проверяя магазины и мясокомбинаты.

Принцип чрезвычайности распространяется и на неэкономическую сферу. Во время вступительных экзаменов вузы переводятся на осадное положение. Стадионы ремонтируются исключительно методом аврала. Даже для спасения белорусского футбола принимаются не обычные, а чрезвычайные меры: срочный созыв внеочередной конференции Федерации этого вида спорта.

Логическим концом движения по этому пути может стать северокорейский вариант, где в классическом виде осуществлена такая модель государственного управления. «Великий вождь и учитель товарищ Ким Ир Сен» все время ездил по стране и лично руководил работой шахтеров в шахтах, учил рыбаков ловить рыбу, работниц птицефабрик выращивать птиц и т.д. Естественно, в таких условиях думать о долгосрочной стратегии, перспективах развития страны просто некогда. Может быть, поэтому сейчас в КНДР массовый голод.

Обратной стороной такой политики стало превращение низовых звеньев госаппарата из организаторов в простых стрелочников и ретрансляторов указаний сверху. Вице-премьер Долголев так характеризовал ситуацию: «На местах иногда царит спокойствие, отсутствует живая

инициатива. Отдельные чиновники на местах снова самоустранились и тихонько хотят переждать... Свою задачу местная власть видит лишь в том, чтобы писать в Кабинет Министров письма с просьбой выделить деньги».

Естественной средой обитания и полем самореализации всех тоталитарных и авторитарных режимов является постоянное поддержание и нагнетание напряженности в обществе. Воспроизводство чрезвычайного положения для укрепления своей власти, воссоздание модели осажденной крепости — едва ли не основная функция всех диктатур. В Советском Союзе подготовкой к войне с империализмом была пронизана вся жизнь общества: от создания гипертрофированного ВПК до детской игры «Зарница». В Албании во времена Энвера Ходжи чуть ли не весь производимый цемент использовался для строительства дотов и дзотов. На Кубе и в Северной Корее все население постоянно тренируется отразить нападение «американских агрессоров и их марионеток».

Такую же функцию выполняет и спровоцированный Лукашенко конфликт с Западом. На недавнем селекторном совещании президент сравнил Республику Беларусь с Брестской крепостью в годы войны. Это символ, удачный идеологический образ для выживания режима. Поэтому постоянный поиск врагов, предпринимаемый Лукашенко, — проявление не только особенностей его личности, но и очень точная и знаменательная характеристика сущности режима. Это тест на узнаваемость. Причем в период политического кризиса, внутреннего (накануне референдума) или внешнего (конфликт вокруг Дроздов), идеологическая вражда к оппонентам доводится до невиданного накала, до состояния психологической войны.

Курс на установление контроля государства над гражданским обществом сопровождается другим интересным процессом, который можно условно назвать приватизацией государства. В Республике Беларусь быстро создается неизвестная в современном мире форма собственности — президентская. Руками Титенкова Лукашенко взял в свое распоряжение наиболее прибыльную недвижимость и другие хозяйственные объекты. Предпринятые два года назад попытки Контрольной палаты, депутатов проверить расходование полученных средств были им жестко пресечены. В период средневековья существовали удельные земли, принадлежавшие монархам, доходы от которых шли не в государственную казну, а на личное потребление королевских и царских семей. Ведомство Титенкова, похоже, стало личным уделом Лукашенко.

Внебюджетные президентские формы являются притчей во языцех в независимых СМИ в связи со скандалами вокруг фирмы «Торгэкспо» и фонда им. М. Эсамбаева. Выступая на съезде деловых кругов, Лукашенко простодушно признался, что он подписал около 200 указов о предоставлении льгот различным фирмам. Какие услуги получены от них взамен — неизвестно. По данным экспертов, количество денег во внебюджетных фондах достигает размеров официального госбюджета страны.

Есть точка зрения, что в тоталитарном обществе нет коррупции, ибо само государство становится мафиозным. Лукашенко, говоря словами Маркса, превратил государство в свою частную собственность. Особенность существующей у нас модели в том, что чиновничья коррупция и мафиозность самого государства создали устойчивый симбиоз. Модный ныне термин «олигархия» в белорусском варианте означает тесный союз узкого круга высшей госбюрократии с небольшой частью бизнеса, пользующегося всеми возможными льготами и привилегиями.

Многие сторонники Лукашенко утверждают, что уж в чем нельзя сомневаться, так это в его личной честности и бескорыстии. Однако, во-первых, в наших условиях ничего невозможно проверить. Во-вторых, все это напоминает миф о скромности Сталина, который «за всю свою жизнь ничего не накопил, а ходил в одной шинели». Когда в полном распоряжении находится целое государство, понятие «свое — не свое» размывается. Можно с чистой совестью совершить увеселительную прогулку в олимпийский Нагано за государственный счет и искренне возмущаться обвинениями в расходовании народных денег на личные цели.

Можно сказать, что девиз Людовика XIV «Государство — это я» в Беларуси воплотился наяву. Интересно, что Лукашенко очень часто в публичных выступлениях понятия «Беларусь», «наша страна», «наше государство» заменяет словом «я» («Я вам буду поставлять тракторы...»).

Среди аналитиков давно высказывается мысль, что на определённом этапе трансформации тоталитарных обществ авторитаризм закономерен, неизбежен и даже полезен, поскольку в та-

ком обществе нет социальной базы поддержки реформ. К такой концепции можно относиться по-разному, но в любом случае речь идет об авторитарном режиме правого толка, четко ориентированном на рыночные реформы. Классический пример — режим Пиночета в Чили. У нас же ситуация принципиально иная. Сформированный авторитарный режим является по своей идеологической сущности левым, густо замешанным на популизме, опирающемся на самые бедные, люмпенизированные слои населения. Он ориентирован не на реформы, а на консервацию старой системы.

Попытка восстановить старую советскую модель управления государством рано или поздно обречена на провал. Эта политика находится в вопиющем противоречии с объективными общемировыми тенденциями. Саморазложение тоталитарной системы и стихийное развитие гражданского общества, идущее вопреки ожесточенному сопротивлению властных структур, зашло настолько далеко, что остановить эти процессы невозможно, даже если превратить всю страну в ГУЛАГ. Второй раз историю можно повторить только в виде фарса.

Создаваемая Лукашенко модель государственного устройства и управления по определению не способна решить ни одной проблемы, вставшей перед страной на нынешнем историческом этапе. И чем больше президент концентрирует власть в своих руках, тем хуже экономическое, социальное, внутри- и внешнеполитическое, морально-психологическое положение в стране.

КАКИМ БЫТЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ?

Материалы Круглого стола

Плиско М.К. Весной этого года исполнительная власть заявила о готовности провести в следующем году выборы в местные органы представительной власти. О серьезности подобного шага говорит появление проекта закона о выборах депутатов местных Советов, который в июне этого года внес в палату представителей президент Республики Беларусь.

Данный проект закона рассмотрен комиссией по местному самоуправлению палаты представителей. На одно из таких заседаний были выборочно приглашены представители некоторых общественных организаций и оппозиционных политических партий. Впрочем, насколько мне известно, политические партии отказались явиться в нелегитимный орган «законодательной» власти. Осенью этого года палата представителей намеревается принять закон о выборах в местные Советы. В следующем году по Конституции 1994 г. должны состояться президентские выборы. Что бы ни думал Лукашенко и его приспешники, но демократическая оппозиция и общественность западных стран прекрасно помнят, что в июле 1999 г. истекает срок полномочий президента Республики Беларусь. Представители ряда европейских организаций ясно дали понять, что если летом 1999г. не пройдут новые президентские выборы, то они больше не будут считать Лукашенко легитимным главой государства. Полагаю, что если Лукашенко пойдет на проведение президентских выборов, то наверняка будет изменен и соответствующий закон. От того, каким будет избирательное законодательство, в немалой степени будет зависеть и судьба демократии в нашей стране.

Гриб М.И. Действующее избирательное законодательство Беларуси — архаично, по своим подходам оно не отвечает требованиям сегодняшнего дня. Особенно это касается Закона о выборах депутатов местных Советов и Закона о выборах депутатов Верховного Совета. Достаточно сказать, что эти законы были приняты в 1989 г., а в 1994-95гг. в них были внесены лишь изменения и дополнения. Поэтому они сохранили некоторые черты избирательного права советских времен, когда существовала однопартийная система. Поэтому не приходится удивляться, что нынешняя власть взялась за ревизию и изменения существующего законодательства о выборах. Я думаю, что предложенный проект закона о выборах в местные Советы — это своего рода пробный шар, запущенный властями. Лукашенко хочет посмотреть, какую реакцию у белорусской и международной общественности вызовет данный проект. Если проект закона, а затем и закон о местных выборах не вызовут широкого резонанса и негативных откликов, то тем самым будет дана «зеленая улица» другим избирательным законам, более важным для существующего режима: о выборах депутатов парламента и президента.

Даже при беглом знакомстве с проектом Закона о выборах депутатов местных Советов в глаза бросаются его недемократические черты, возникает ощущение тревоги.

В большинстве демократических стран выборы депутатов местных представительных органов власти и парламента проходят на основе пропорционального представительства или по смешанной системе: пропорционально-мажоритарной. Поэтому заложенная в предложенный проект о местных Советах чисто мажоритарная система не соответствует реалиям и требованиям сегодняшнего дня. В отличие от наших соседей, власти не решились пойти на проведение выборов пусть даже по мажоритарному принципу, но не в два, а в один тур. Оставили все как было в Законе 1989 года.

Не могу оставить без внимания установленную проектом закона 50% планку явки избирателей на выборы, чтобы они считались состоявшимися. Уже Верховный Совет 12 созыва «созрел» для изменения этой нормы в сторону понижения и установил, что на повторных выборах достаточно явки в 25% избирателей. Это было сделано вопреки давлению администрации президента

и самого Лукашенко. Данный же проект закона даже на повторных выборах предусматривает явку в 50%!

На мой взгляд, любому мало-мальски грамотному юристу ясно, что если мы объявим выборы свободными — а это означает, что никто не вправе силой загонять избирателей на избирательные участки, избиратель волен сам решать — идти ему на выборы или нет — то в этом случае никакой процентной планки по явке избирателей не должно быть вообще. Поэтому установление подобной нормы является нонсенсом. Недавно мне посчастливилось побывать на местных и парламентских выборах в Швеции. Там тоже нет никакой нормы по явке избирателей. Сколько пришло людей на избирательные участки, столько и пришло. И тем не менее в выборах в Швеции принимают участие 75-85% избирателей. Не норма определяет легитимность и доверие людей к власти, а содержание работы этих органов, заинтересованность людей в формировании муниципального управления. Установление планки приведет к тому, что государство будет тратить деньги на проведение бесконечных туров голосования, а местные органы власти так и не будут сформированы. Парадокс, но чем беднее государство, тем более оно затратно.

Со сталинских времен идет традиция лишать права голоса людей, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда и содержащихся в следственных изоляторах. Раньше, когда в местах лишения свободы находились миллионы и миллионы людей, эта практика имела прямой политический смысл и применялась тогдашним режимом для удержания своей власти. В Швеции эти категории людей имели и имеют право голоса наравне с другими гражданами.

Давая оценку этому проекту в целом, можно сказать, что если он будет принят в том виде, в каком он есть сейчас, то это приведет к тому, что на местах представительные органы власти скорее будут назначены «вертикалью», нежели выбраны на честных и справедливых выборах

Гудеев В.К. В настоящее время Всебелорусский клуб избирателей осуществляет при поддержке фонда «Евразия» проект по подготовке в 100 районах Беларуси 8000 наблюдателей. И первое, что мне бросилось в глаза при чтении проекта Закона о местных выборах, — это сужение прав общественных наблюдателей по сравнению с действующим Законом. Собственно говоря, и Закон 1989 года плох в этом отношении, но то, что представлено общественности в данном проекте закона, превзошло все мои ожидания!

Исполнительная власть и избирательные комиссии всегда настороженно относились к общественным наблюдателям. На прошлых выборах присутствие наблюдателей на избирательных участках зачастую мало что давало, так как избирательные комиссии находили возможности не допускать их к осуществлению реального контроля за ходом голосования и особенно за ходом подсчета голосов. В действующем законодательстве о выборах подробно не оговорены права наблюдателей, не определен их статус и не расписаны их возможности. Часто на избирательных участках можно было наблюдать такую картину: в одном углу помещения, где проходило голосование, отгороженном столами, сидят наблюдатели, а в другом — работает избирательная комиссия. Естественно, что в действительности происходит за столами, где избирательная комиссия ведет подсчет голосов, — наблюдатели не видят и не могут увидеть. После завершения подсчета голосов наблюдатели вынуждены чуть ли не на коленях упрашивать избирательные комиссии, чтобы они снизошли и дали бы хоть какие-нибудь результаты голосования. Все это не давало возможности общественным наблюдателям реально проконтролировать ход выборов и полученные на них результаты голосования.

Ознакомившись с проектом закона о выборах местных Советов, предложенным президентом, я могу однозначно сказать, что он предоставляет наблюдателям еще меньше возможностей для осуществления контроля, чем прежний Закон. Вместо того, чтобы четко определить статус наблюдателей, расписать их права и возможности, какие документы и какие сведения обязаны им давать члены избирательных комиссий, инициатор этого проекта закона пошел на сужение и без того «куцых» прав общественных наблюдателей: теперь порядок осуществления наблюдателями своих функций будет устанавливаться Центральной комиссией по выборам и проведению

республиканских референдумов, а не законом. Тем не менее, я считаю, что готовиться к контролю за предстоящими выборами нужно уже сейчас, нужно сделать все возможное, чтобы эти выборы проконтролировать. Только подготовленные должным образом наблюдатели могут на практике показать всю недемократичность принятого законодательства и проведенных выборов. Поэтому Всебелорусский клуб избирателей и взялся за реализацию проекта по подготовке общественных наблюдателей. И мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы организовать параллельный подсчет результатов голосования по всем избирательным участкам.

Плиско М.К. Я хочу обратить внимание на два момента, связанных с принятием проекта Закона о выборах депутатов местных Советов. Мне представляется, что они самым прямым образом связаны с проблемой будущей легитимизации тех органов власти, которые будут сформированы в результате проведения выборов.

Во-первых, нельзя не заметить, что подготовленный проект закона весь избирательный процесс, начиная от формирования избирательных комиссий и до подведения итогов голосования, отдал на откуп исполнительным органам власти. И во-вторых, — здесь я согласен с г-ном Гудеевым В.К. — данный проект не дает возможности общественности осуществить эффективный и действенный контроль за всеми стадиями избирательного процесса. Полагаю, что в своем стремлении «контролировать всё и вся», «держать и не пущать» исполнительная власть перехитрит саму себя. Вряд ли избранные с помощью такого закона и подобным образом новые представительные органы местной власти будут пользоваться всеобщим признанием и уважением, поскольку всем будет очевидно, что выборы были не свободные, не конкурентные, не честные и не справедливые. И вместо ожидаемого успокоения мы получим в обществе еще один источник противоречий. Мне кажется, что если власти не внесут в подготовленный проект закона существенных поправок, направленных на его демократизацию, дело может закончиться тем, что ОБСЕ и другие международные организации вообще откажутся прислать к нам своих наблюдателей в связи с тем, что наше избирательное законодательство не будет соответствовать минимальным стандартам, зафиксированным в международных документах, а именно: результаты выборов должны быть проверяемы общественностью. Поэтому одной из задач политических партий и демократических организаций должен стать показ как белорусской, так и международной общественности через СМИ и другие акции протеста недемократической сущности избирательного законодательства в нашей стране.

Гриб М.И. Мне кажется, что существующий режим вовсе не случайно обошел в проекте Закона о выборах в местные Советы вопрос о месте и роли института общественных наблюдателей. По всей видимости, исполнительной власти есть что скрывать от постороннего взгляда. Это говорит о том, что власть допускает, что ход выборов пойдет не по ее сценарию и ей, возможно, придётся корректировать итоги выборов. Будь это не так, инициатор внесения проекта закона — президент Лукашенко — сделал бы все возможное для снятия подобных подозрений, и избирательный процесс стал бы доступным для контроля со стороны общественности. При этом хочу оговориться, что наблюдатель в ходе выборов не должен подменять работу избирательных комиссий и контролирующие органы. Его задача — наблюдать, доводить до сведения тех, кто нарушает Закон, что они его нарушают, и соответствующим образом фиксировать эти нарушения. В Швеции, если избиратель хочет стать наблюдателем, ему не нужно оформлять никаких бумаг: он просто может придти на подсчет голосов, и избирательная комиссия обязана ему предоставить результаты голосования на данном избирательном участке.

Подготовленный исполнительной властью проект Закона имеет и еще одно «новшество»: при Центризбиркоме открывается внебюджетный избирательный фонд, куда физические и юридические лица, поддерживающие того или иного кандидата, могут перечислять денежные средства. Это начинание можно было бы поддержать, если бы не одно «но». Дело в том, что порядок распределения этих средств между кандидатами будет устанавливать Центральная избирательная комиссия. И может случиться так, что средства, адресованные одному кандидату, могут достаться совсем другому человеку. Это же совершенный нонсенс!

Немалое значение на ход выборов будет иметь Закон о Центральной комиссии по выборам

и проведению республиканских референдумов. Закон наделяет Центризбирком широкими полномочиями, ему дано право трактовки избирательного законодательства и принятия подзаконных актов. Надеяться на то, что Центризбирком займет самостоятельную позицию, не приходится. Порядок формирования комиссии таков, что члены комиссии, назначенные президентом, всегда будут иметь механическое большинство голосов. При этом следует учесть, что и председатель комиссии и его заместитель назначаются по согласованию с президентом и что при голосовании голос председателя имеет решающее значение.

Хочу обратить внимание еще на одно положение проекта закона. По своему административному статусу г. Минск приравнен к областям. По численности г. Минск не уступает некоторым областям. И тем не менее проектом закона предполагается, что при выборах в областные Советы может быть образовано до 100 избирательных округов, а в г. Минске — только до 60. Подобного рода «описки» носят не случайный характер. Рейтинг президента в г. Минске низкий, и исполнительная власть знает, что здесь шансов получить «ручной» Совет у нее мало, поэтому, чем меньше будет депутатов от столицы — тем лучше. Если уж говорить о народовластии, то данный проект закона ничего общего с народовластием не имеет.

В настоящее время группа белорусских юристов, в том числе и я, приступила к разработке альтернативного проекта Закона, который будет демократическим по содержанию, и в нем будет аккумулирован лучший опыт зарубежного законодательства. И пусть наши граждане — избиратели посмотрят, какие подходы к выборам у оппозиции и у существующей власти, пусть сравнят и сделают собственные выводы: какой из проектов больше отвечает их интересам.

Плиско М.К. Исполнительная власть при любом удобном случае не перестает говорить о необходимости интеграции с Россией, в том числе и в законотворческой области. Однако, судя по проекту закона о выборах депутатов местных Советов, стремление к интеграции не обрело в данном случае форму конкретных юридических формулировок. А ведь у российского избирательного права можно было бы многое позаимствовать — если не сами статьи, то хотя бы его общую демократическую направленность.

Рамочный Закон «Об основных гарантиях прав избирателей...», устанавливающий общие нормы проведения любых выборов в России, был принят в сентябре 1997 года, причем это было уже второе издание этого закона: первая его редакция появилась еще в 1994 году. Проведение избирательных компаний по выборам в Госдуму в 1995 г., президента в 1996 г., представительных и исполнительных органов власти в субъектах Российской федерации в 1996-97 гг. позволили увидеть недостатки и слабые места Закона 1994 г. В отличие от Беларуси, российская Госдума не пошла по пути урезания демократических норм в угоду сиюминутным интересам, а, наоборот, расширила возможности контроля за ходом избирательной кампании со стороны общественности. В результате работы Закон стал ещё более «прозрачным», и при желании общественные наблюдатели легко могут осуществить параллельный подсчет голосов. Приведу несколько конкретных примеров.

По российскому избирательному праву не менее одной трети состава избирательных комиссий должны состоять из представителей политических партий и общественных организаций. Кроме этого, Закон вводит понятие «член избирательной комиссии с правом совещательного голоса». Сразу после регистрации в соответствующей избирательной комиссии кандидат в депутаты или избирательное объединение имеют право сами по своему усмотрению назначать по одному члену комиссии с правом совещательного голоса. В целом Закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан...» достаточно четко и полно определяет статус общественного наблюдателя и по всему тексту Закона подробно излагает его права. Закон обязывает избирательные комиссии выдавать наблюдателям заверенные копии протоколов об итогах голосования, а при голосовании на дому обеспечить возможность прибытия к месту голосования как минимум одному общественному наблюдателю. Несмотря на то, что плотность населения в России ниже, чем в Беларуси, и что там имеется гораздо больше отдалённых избирательных участков, российский Закон, в отличие от президентского проекта, устанавливает предельное количество переносных урн на одном избирательном участке не более трех.

Как видим, даже на основании беглого сравнения двух документов можно сделать вывод, что более демократичным является избирательное право России. Об истинных намерениях инициатора закона — президента — свидетельствует заявление Лидии Ермошиной, занимающей сегодня должность председателя Центризбиркома. Выступая на заседании комиссии по местному самоуправлению Палаты представителей, она сказала, сославшись на разговор, который у неё состоялся с Лукашенко, что некоторые статьи проекта закона не подлежат обсуждению и изменению, поскольку этого не хочет президент. Если же они будут изменены, то данного закона не будет вообще.

Легко догадаться, какие статьи президент хочет оставить в неизменном виде: в первую очередь те, которые не позволят сформировать Советы в крупных городах (50% явки избирателей), и те, которые помогут исполнительной власти осуществлять контроль за ходом избирательного процесса. Вот вам гарант Конституции и защитник народовластия!

Мне кажется, что президент сознательно вынес на суд общественности такой недемократический проект закона. Обратите внимание на заявление все той же Ермошиной о том, что проект Избирательного кодекса готов и его можно вносить на рассмотрение палаты представителей. Несмотря на это, лукашенковский парламент вначале хочет принять проект Закона о местных выборах и только затем Избирательный кодекс. В связи с этим встает закономерный вопрос: зачем дважды городить огород? Не лучше ли сразу принять Избирательный кодекс, поскольку он определяет и порядок проведения выборов в местные Советы? Внося проект закона в палату представителей, Лукашенко руководствовался совсем другими соображениями: исполнительная власть хотела посмотреть, какой будет реакция на него у политических оппонентов президента внутри страны и международных структур, в первую очередь, у ОБСЕ и Совета Европы. Видимо, президентская сторона надеется, что внимание общественности можно будет сфокусировать не на основных, ключевых положениях проекта, а на второстепенных недемократических статьях, что оппозиция «за деревьями не увидит леса». В этом случае власти готовы будут пойти на некоторые уступки, например, предоставить общественным организациям право выдвигать кандидатов в депутаты, лишь бы сохранить проект закона в целом. Если эта уловка пройдет, примерно по такому же сценарию будет происходить принятие Избирательного кодекса. Поэтому нам нужно бить во все колокола, всеми возможными средствами разъяснять населению антидемократическую сущность проекта Закона о выборах местных Советов и недопустимость принятия его в подобном виде.

Гудеев В.К. Я, как и Мечислав Иванович, побывал в Швеции в период проведения всеобщих выборов — местных и парламентских — и сделал для себя несколько, на первый взгляд, парадоксальных выводов. Так, в Швеции избирательный процесс необходимо защищать не от государства и избирательных комиссий, как это есть у нас, а, скорее, от самих избирателей. Поэтому такое понятие, как «неправомерные действия избирательных комиссий», совершенно не применимо к Швеции. Для этой страны абсурдно звучат даже предположения о том, что какой-то член избирательной комиссии или какой-нибудь другой чиновник может пойти на нарушения закона, подтасовку бюллетеней и другие фальсификации. У них в этом плане совершенно другая психология и иные подходы. Я пытался несколько раз добиться от наших сопровождающих и от членов избирательных комиссий ответа: как у них ведется контроль за ходом голосования, подсчетом голосов на избирательных участках и подведением общих итогов выборов. Но они меня не понимали, спрашивали, что вы имеете ввиду, какой контроль и зачем он, есть люди, которые отвечают за выполнение той или иной работы, и этого вполне достаточно. Для них выборы — это обыкновенная работа, которую, как всякую другую, необходимо выполнять точно и в срок. Потому в Швеции никаких фальсификаций со стороны властных структур и избирательных комиссий не может быть в принципе. Ни один член комиссии, даже если у него есть определенный интерес, не допускает даже мысли, что он по своему усмотрению может добавить несколько лишних голосов тому или иному кандидату. А ведь на местных выборах часто решающее значение имеют несколько голосов. Поэтому в Швеции контроль за выборами сводится к тому, чтобы не допустить злоупотреблений от отдельных активных граждан и представителей политических партий. У нас же, как показывает практика, совершенно обратная

картина: в роли главных фальсификаторов всегда выступает исполнительная власть и зависимые от нее избирательные комиссии. Эта особенность избирательного процесса в Беларуси прекрасно известна избирателям, но они не предпринимают ничего, чтобы изменить эту ситуацию. Тем не менее даже в рамках такого «куцего» закона мы должны сделать все возможное, чтобы не допустить массовых фальсификаций. С этой целью Всебелорусский клуб избирателей предлагает особые методики работы с избирательными комиссиями. Первое, что должен сделать наблюдатель, — это начать свою работу не в день проведения выборов, а со дня первого заседания избирательной комиссии. Наблюдение за работой избирательной комиссии поможет представителю общественности определить настроение её членов, выявить их подход к выборам и увидеть, собирается ли она проводить их честно и непредвзято. Опыт прошлых выборов свидетельствует, что если наблюдатели начали работать с избирательными комиссиями задолго до начала проведения выборов — массовых фальсификаций можно не допустить даже при недемократичном законодательстве. В конце концов, каждый член избирательной комиссии понимает, что ничто не вечно под луной и рано или поздно им придется отвечать за допущенные нарушения Закона в соответствии с Уголовным и Административным кодексами. Но чтобы добиться необходимого результата, наблюдатель должен занимать активную позицию, а не просто отбывать время по принципу: солдат спит, а служба идет. Именно поэтому свою главную задачу на данном этапе ВКИ видит в подготовке квалифицированных и инициативных наблюдателей.

Гриб М.И. Хочу обратить Ваше внимание на некоторые положения проекта, которые у меня вызывают обеспокоенность. Речь идет о досрочном голосовании. Сама по себе эта норма не является недемократичной. Она присутствует в законодательстве многих стран, в том числе и в Швеции. В этой стране около 37% избирателей голосует досрочно, по почте. Но если в цивилизованных странах институт досрочного голосования не является средством подтасовок на выборах, то у нас наблюдается совершенно иная картина. Достаточно вспомнить досрочное голосование, которое проводилось накануне ноябрьского референдума в 1996 г. Приведу лишь один пример. Один избиратель из г. Мозыря вместе со своей семьей и соседями по дому проголосовал досрочно, сделав при этом на всех бюллетенях специальную отметку, которую он потом как наблюдатель так и не смог отыскать среди бюллетеней в урне для досрочного голосования в день выборов. То есть произошла заурядная подмена содержимого урны, и сделано это было, безусловно, с ведома членов избирательной комиссии. Или возьмем голосование на дому, по месту жительства, в день проведения выборов. Подобная форма есть и в других странах. Опять-таки необходимость существования подобной формы голосования не вызывает никакого сомнения. Но мы как всегда — впереди Европы всей: проект закона не требует обосновывать от избирателя причину, по которой он хочет проголосовать на дому. Хочу, мол, и все тут. Замечу, что голосование по партийным спискам ведет к уменьшению числа наблюдателей от общественных организаций. В этом случае их роль берут на себя представители противоборствующих политических партий.

И, наконец, самое важное. Вот мы обсуждаем предложенный президентом палате представителей проект избирательного закона. Не отрицаю — это делать нужно, нужно вскрывать его недостатки, но при этом хочу обратить внимание на то обстоятельство, что данный проект будет приниматься незаконно созданным органом власти, а значит — он не будет обладать никакой юридической силой. Если мы признаем этот документ, то тем самым признаем правомочность ноябрьского референдума, который больше походил на насильственный захват власти президентом, чем на выявление воли народа. Именно по- этому цивилизованный мир и не признает его результаты. Должны ли мы в этой ситуации признавать этот «закон», если это будет шагом на пути легитимизации действий президента и палаты представителей? Думаю, что нет!

Гудеев В.К. По моему мнению, наша организация — Всебелорусский клуб избирателей — должна принимать участие в выборах по любому законодательству, кем бы оно ни было принято, тем более, что речь идет о выборах в местные Советы. Если общественные организации

и политические партии демократического толка откажутся участвовать в выборах — это будет слишком большим подарком исполнительной власти. Нельзя всё время вариться в собственном соку, нужно искать легальные формы работы с населением, стараться ослабить позиции исполнительной власти на местном уровне. Конечно, мы должны предпринять все от нас зависящее, чтобы добиться демократизации подготовленного проекта. Но я не думаю, что здесь нам многое удастся сделать. Нет сомнения, что палата представителей примет закон, удобный для исполнительной власти. Но ведь выборы всё равно состоятся, будут в них участвовать политические партии или нет. И если при проведении выборов никто не будет осуществлять общественного контроля, то тем самым исполнительная власть получит в свои руки дополнительный аргумент в споре за признание легитимности результатов этих выборов. Поэтому, как на первой стадии — стадии подготовки закона, так и на второй — при проведении выборов — мы должны активно включиться в борьбу и с помощью фактического материала показать международной и белорусской общественности, что выборы были недемократические, несвободные и несправедливые. Без доказательств западные страны признают результаты этих выборов легитимными, а доказательства, свидетельства о фальсификациях можно добыть, только принимая в них участие.

Плиско М.К. Мне кажется, что пока демократическая общественность нашей страны, юристы, политики, журналисты очень мало сделали для того, чтобы вскрыть антидемократическую сущность подготавливаемого закона о выборах. Меня лично очень насторожило утверждение Лидии Ермошиной о том, что, мол, представительство миссии ОБСЕ в Минске в целом положительно оценило подготовленный проект закона о выборах депутатов местных Советов. Я считаю, что мы должны как можно быстрее подготовить подробный анализ данного проекта закона, Избирательного кодекса, а также провести ряд круглых столов, семинаров с участием представителей зарубежных организаций с тем, чтобы показать истинные цели разработчиков избирательного законодательства. С другой стороны, насколько мне известно, ОБСЕ, Совет Европы выступают за скорейшее проведение выборов в органы власти на всех уровнях. Поэтому, если мы сходу отвергнем проведение выборов в условиях существования данного режима, то я боюсь, что Запад может признать итоги проведенных выборов, если не будет очевидных доказательств фальсификации результатов голосования. А если вся политическая оппозиция не будет принимать в них участие, то властям и не придется прибегать к значительным фальсификациям, и может сложиться такая ситуация, что западные страны вынуждены будут признать их итоги. Это касается не только выборов в местные Советы, но и выборов парламента и президента. Безусловно, то, что говорил Мечислав Иванович о нелегитимности палаты представителей, имеет место быть. Но, с другой стороны, из разговоров с западными политиками я вынес несколько иной аспект этой проблемы. Они говорят, что в стране с диктаторским режимом — это означает, что он нелегитимен, — оппозиция при помощи международной общественности добивается проведения выборов, чтобы иметь возможность изменить с их помощью ситуацию в стране. А вы, мол, загодя уклоняетесь от сражения. Да, возможно, Вам придется отказаться от участия в выборах, но этот отказ должен являться следствием Ваших активных действий, которые не привели к демократизации как самого избирательного права, так и политической ситуации в ходе избирательной кампании. Превентивный отказ от борьбы на руку только правящему режиму и продлевает его существование. Действительно, не останемся ли мы стоять в гордом одиночестве, отказавшись от участия в выборах, в то время как Западные страны признают легитимность органов власти, сформированных в результате этих выборов?

Гриб М.И. Как вести себя в этой ситуации демократическим силам, сейчас сказать я не берусь. Сделать точный прогноз трудно, так как слишком много неизвестных в этой проблеме. Я уже говорил и скажу еще раз, что этот законопроект является первым и носит пробный характер. Но если пойти на выборы по этому закону, то в этом случае можно сделать точный прогноз: демократические силы, даже если они будут принимать самое активное участие в выборах, все равно потерпят поражение. Этот закон дает исполнительной власти большие преимущества и

ставит оппозицию в неравные условия, обрекает её на поражение. Поэтому, если мы примем участие в выборах, то тем самым подтвердим, что мы были, но проиграли, и в результате окажемся в еще более трудных условиях, чем сейчас. Возможно, если бы закон о выборах был более демократическим, предусматривал голосование по партийным спискам, тогда, может быть, и стоило бы принимать участие в выборах, правда, при условии, что закон был бы принят не палатой представителей, а каким-то другим органом, например, Всебелорусским собранием. То есть выход из тупика надо искать, но путь, который предлагает исполнительная власть, ничего хорошего не принесет. Что касается контроля за ходом выборов, то на него надо идти при любых условиях и при любом избирательном законе.

Теперь несколько слов об утверждении Ермошиной, что, мол, ОБСЕ благосклонно отнеслась к разработанному исполнительной властью проекту. Оно далеко от истины. Я встречался с этими людьми, разговаривал с ними и могу однозначно заявить, что они не одобряют этот проект. Попутно замечу, что г-жа Ермошина может выступать только в роли обыкновенного члена Центризбиркома, а отнюдь не как председатель этого органа, т.к. была назначена на эту должность президентом незаконно.

Гудеев В.К. Я думаю, что происходящие в стране негативные процессы являются следствием отсутствия поддержки политических партий со стороны населения. Политические партии не смогли донести населению свои программы, перетянуть его на свою сторону. Но это смогло с успехом сделать государство в лице исполнительной власти, которая объявила себя чуть ли не единственной опорой и защитницей нужд и чаяний народа. И если политические партии уклонятся от участия в выборах, то это только усугубит их изоляцию от избирателей. Поэтому я допускаю мысль, что в Беларуси должны быть политические силы, которые, идя на какое-то сотрудничество с властью, получили бы возможность работать с населением и постепенно смогли бы завоевать его поддержку. Такими политическими силами не могут быть существующие оппозиционные политические партии, эту роль могут взять некоторые из уже существующих общественных организаций или которые необходимо вновь создать. Этот процесс, я считаю, у нас происходит, но он идет недостаточно быстро. Естественно, что им не должны руководить люди, занимающие соглашательскую позицию в отношении режима Лукашенко. Если этот процесс не разовьется, то возникнет угроза полной изоляции оппозиции, и она потеряет всякие возможности влиять на общественное мнение.

Плиско М.К. Я нисколько не сомневаюсь в неискренности исполнительной власти, подготовившей подобного рода драконовский законопроект. Если бы президент действительно радел за интересы простых людей, хотел, чтобы по итогам выборов депутатами стали лучшие и наиболее достойные представители народа, то он взял бы в качестве образца проекта своего закона российское избирательное право, тем более, что мы находимся в союзных отношениях с Россией и нам рано или поздно придется унифицировать свое законодательство.

Мне кажется, одного утверждения о том, что закон, принятый нелегитимной палатой представителей, не имеет юридической силы, явно недостаточно для решения проблемы участия или неучастия политической оппозиции в выборах. Напомню один прецедент, который уже стал историей. 1989 год. Страны Балтии. Народные движения этих стран, находившиеся в жесткой оппозиции как к своим собственным, так и к московским коммунистам и рассматривавшие Советскую власть как оккупационную, тем не менее приняли решение участвовать в выборах на Съезд народных депутатов СССР по недемократическому избирательному закону! На них эти движения смогли добиться полной победы. Думаю, что это было правильное политическое решение. Оно помогло им впоследствии добиться полной победы и стать независимыми государствами. Мне не понятно, как можно изменить политическую ситуацию в стране, заведомо отказываясь от участия в выборах. В этом случае надо или уходить в леса и браться за оружие, или уезжать из страны. Нельзя же все время говорить, что режим нелегитимный и демократы выборы все равно проиграют. Для того, чтобы изменить ситуацию, надо что-то делать, и выборы являются для этого наилучшим средством. По крайней мере, мы должны сказать, что готовы принять участие в выборах, и начать серьезную подготовку к ним. Мы должны выставить свои требова-

ния к избирательному законодательству, изложить условия своего участия в выборах, потребовать равных условий для всех кандидатов в депутаты. Если власть не пойдет на удовлетворение подобных требований, то общественное мнение может измениться, что в конечном счете и приведет к падению существующего режима. Только после того, как оппозиция сделает все возможное для того, чтобы переломить ситуацию, и в этой борьбе потерпит поражение, только тогда можно и нужно будет отказаться от участия в выборах.

Гриб М.И. На заседании Центрального Совета БСДП («Народная Грамада») было принято решение не объявлять о нашем участии или неучастии в выборах до тех пор, пока не будет определена дата проведения выборов и не будут приняты легитимным органом власти соответствующие законы. Вместе с тем мы начали организационную подготовку к выборам, в первую очередь, в местные Советы. Кроме этого, мы окажем поддержку Всебелорусскому клубу избирателей в подготовке общественных наблюдателей для осуществления контроля за ходом выборов.

октябрь 1998 г.

Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ,
заместитель председателя ОГП, юрист

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение

Как показывает опыт многих стран, осуществлявших экономические реформы, реализация комплекса правильных с экономической точки зрения мер не гарантирует успеха сама по себе. Ряд исследователей обращают внимание на то, что чисто экономические преобразования необходимы, но недостаточны и должны сопровождаться реформами в других областях. Так, Роберт Клитгаард указывает на необходимость адаптации реформ к реальной ситуации в конкретной стране и колоссальную важность свободного доступа к достоверной информации.[1] Пожалуй, одной из самых серьезных проблем является совершенствование законодательства, регулирующего экономические отношения. Именно плохое законодательство является причиной провала попыток реализации многих правильных экономических идей. На эту проблему часто не обращают внимания, так как прежняя административно-бюрократическая система управляла экономикой путем использования иных рычагов и воспитала пренебрежение к праву. Однако сегодня ситуация изменилась коренным образом. «Значимость гражданско-правового регулирования по мере освобождения системы хозяйствования от административного диктата, характерного для предыдущего периода нашей истории, неуклонно возрастает. В перспективе право должно стать основным регулятором имущественных отношений в обществе.»[2]

Анализ эффективности правового регулирования экономических отношений и факторов, которые на нее влияют, является целью настоящей работы. Традиционный подход отечественных правоведов к этой проблеме был по сути формальным и не выходил за рамки констатации необходимости систематизации и кодификации законодательства, устранения противоречий между нормативными актами и устранения пробелов в законодательстве. Ввиду своей тривиальности этот подход практически не обсуждается в настоящей работе. Автор считает более важным исследовать влияние СОДЕРЖАНИЯ, а не только ФОРМЫ нормативных актов на эффективность той деятельности, которую они регулируют.

1. Проблема эффективности экономического законодательства: общий подход

Экономическая активность большого количества людей для того, чтобы быть успешной, нуждается в координации. Эффективность этой координации определяется, в первую очередь, экономическими результатами их деятельности. «В принципе, существуют лишь два способа координации экономической деятельности миллионов. Первый — это централизованное руководство, сопряженное с принуждением; таковы методы армии и современного тоталитарного государства. Второй — это добровольное сотрудничество индивидов; таков метод, которым пользуется рынок.»[3] В первом случае право является как бы «довеском» к административной системе и не является даже необходимым элементом: система эта способна обеспечить исполнение практически любой задачи без апеллирования к праву. Во втором случае право непосредственно влияет на экономические отношения, и от качества правового регулирования в значительной степени зависит эффективность экономической деятельности.

Устанавливая нормы, регулирующие экономическую деятельность, право оказывает серьезное влияние на экономическое развитие. Оценить это влияние нелегко ни качественно, ни количественно. Тем не менее попробуем ответить на вопрос, что же такое эффективность правового регулирования экономических отношений. Люди вступают в экономические отношения друг с другом независимо от того, как эти отношения урегулированы правом и урегулированы ли они правом вообще. Однако характер этих отношений может меняться в результате установления

определенных норм и правил. Источником этих норм может быть и не государство, а, например, обычаи или мораль. Однако предметом нашего рассмотрения будут только нормы, установленные государством и обязательные к исполнению под угрозой принуждения со стороны государства.

Вступая в экономические отношения, люди получают от этого выгоду и несут издержки. Условием целесообразности экономической деятельности является превышение выгоды над издержками. Право позволяет уменьшить издержки, если защищает собственность и гарантирует исполнение контрактов, которые добровольно заключают между собой юридические и (или) физические лица. Право увеличивает издержки, если его применение требует дополнительных расходов от участников экономической деятельности (в дальнейшем будем называть их хозяйствующими субъектами). Естественно, наличие права связано с необходимостью функционирования соответствующих государственных структур, а, значит, и с необходимостью уплаты налогов на их содержание. Если рассмотреть всю совокупность субъектов, осуществляющих экономическую деятельность в конкретном обществе (государстве), можно ввести понятие совокупных общественных издержек на осуществление экономической деятельности. Совокупные общественные издержки зависят от очень многих обстоятельств, однако в настоящей работе мы рассмотрим их зависимость только от правового регулирования.

Совокупные общественные издержки — это величина, характеризующая затраты общества на создание единицы валового внутреннего продукта. Естественно, что законодательство, действующее в государстве, а также правоприменительная практика оказывают существенное влияние на величину совокупных общественных издержек. Таким образом, можно определить понятие эффективности правового регулирования экономических отношений как величину, обратно пропорциональную той доле совокупных общественных издержек, которая связана с правовым регулированием. К сожалению, дать исчерпывающее определение этому понятию не представляется возможным. Тем не менее, вышеизложенный подход позволяет анализировать эффективность правового регулирования конкретных областей экономической деятельности. Конкретный нормативный акт (для простоты изложения будем называть их законами), уменьшающий совокупные общественные затраты в какой-либо области, мы будем называть эффективным, увеличивающий — неэффективным. Таким образом, тормозом для экономического развития является отсутствие эффективных законов и наличие неэффективных.

Далее мы попытаемся оценить влияние законов на издержки как общества, так и конкретных хозяйствующих субъектов.

2. Закон и равенство возможностей. Стоимость доступа

Принципы верховенства закона и равенства всех перед законом являются основополагающими в теории правового государства. История свидетельствует, что государства, реализовавшие на практике эти принципы, имеют, как правило, более эффективную экономику. Для такого утверждения есть также ряд оснований, не связанных со ссылками на исторический опыт. Во-первых, наличие большого количества хозяйствующих субъектов, которые вследствие разделения труда постоянно заключают контракты друг с другом, требует от государства гарантий исполнения этих контрактов. Это может быть обеспечено только эффективной работой судов, что невозможно без реализации указанных выше принципов. Отсутствие доверия к судебной системе со стороны хозяйствующих субъектов толкает последних на увеличение издержек, связанных с необходимостью работы в условиях повышенного риска, что неизбежно влечет рост цен и сокращение производства товаров и услуг. Во-вторых, обеспечение деятельности хозяйствующих субъектов невозможно без существования общих правил, так называемого внеконтрактного права. В Республике Беларусь, например, это ряд законов, регулирующих экономические отношения: Гражданский кодекс, законы «О собственности в Республике Беларусь», «О предприятиях в Республике Беларусь», «О предпринимательстве в Республике Беларусь» и т.д. Существование стабильных и жестко исполняемых правил позволяет хозяйствующим субъектам снижать издержки, так как ряд функций берет на себя государство. Нарушение принципов верховенства за-

кона и равенства всех перед законом подрывает доверие хозяйствующих субъектов к государству и приводит к увеличению совокупных общественных издержек, так как содержание государственного аппарата при этом не становится дешевле, тогда как хозяйствующие субъекты несут дополнительные издержки. В-третьих, реализация принципа равенства всех перед законом автоматически способствует развитию конкуренции хозяйствующих субъектов между собой, что означает повышение эффективности и снижение издержек. В-четвертых, реализация рассматриваемых принципов соответствует идеям социальной справедливости, а это означает минимизацию количества социальных конфликтов и более благоприятную среду для развития экономики.

С экономической точки зрения реализация рассматриваемых правовых принципов означает обеспечение равных возможностей для деятельности всех субъектов хозяйствования. Таким образом, для снижения совокупных общественных издержек правовая система должна обеспечивать равные возможности для деятельности хозяйствующих субъектов всех форм собственности, всех организационно-правовых форм предприятий, различных сфер экономики. При этом особенно важным является обеспечение минимального влияния на возможности хозяйствующих субъектов их отношений со структурами власти.

Равенство возможностей — понятие, трудно поддающееся количественной оценке. Тем не менее, мы попробуем это сделать, используя расчеты стоимости доступа граждан к различным видам экономической деятельности. Стоимость доступа — это величина, характеризующая материальные затраты и затраты времени, которые необходимо совершить рядовому гражданину, чтобы начать свое дело. Следует различать номинальную и реальную стоимость доступа. Номинальная стоимость доступа состоит из затрат на установленные законодательством платежи за регистрацию, лицензии, нотариальные услуги и т.п., а также из установленных законодательством затрат времени на выполнение всех процедур, необходимых для начала деятельности. Так, законодательством установлены сроки рассмотрения некоторых вопросов, касающихся регистрации предприятий, регистрирующими органами. Реальная стоимость доступа всегда выше, т.к. включает в себя затраты, связанные с плохой работой государственных органов, а также с преодолением их сопротивления.

Номинальные затраты можно оценить расчетным путем, просуммировав все необходимые платежи и затраты времени на посещение всех государственных и иных учреждений. Судить о реальных затратах можно только по результатам эмпирических исследований, например, имитации создания какого-либо предприятия с полным или частичным выполнением необходимых процедур. Следует заметить, что само по себе существование ненулевой стоимости доступа является свидетельством неравных возможностей для экономической деятельности граждан. Чем больше стоимость доступа, тем меньшее количество граждан имеют возможность начать экономическую деятельность. Поэтому задачей реформирования хозяйственного законодательства с целью повышения экономической эффективности должна быть минимизация реальной стоимости доступа.

Снижение номинальной стоимости доступа — задача, имеющая очевидное решение. Для этого необходимо уменьшить количество инстанций, в которые обращаются граждане, и снизить размер платежей. К сожалению, органы власти практикуют прямо противоположный подход: стоимость доступа постоянно увеличивается. Так, например, Постановлением Кабинета Министров № 174 от 31 марта 1994 года примерно в 20(!) раз увеличены ставки госпошлины за совершение нотариальных действий. Это привело к тому, что увеличились прямые затраты учредителей предприятий, связанные с нотариальным заверением учредительных документов предприятия, свидетельствованием образцов подписей и копий документов при открытии расчетных счетов, а также с оплатой сборов в финансовые органы, которые достигают 20 минимальных заработных плат. Фискальные интересы государства поставлены выше интересов граждан Республики. В результате таких действий государства сокращается количество хозяйствующих субъектов, а, значит, и налоговая база. Кроме того, и это не менее важно, высокая стоимость доступа означает уничтожение равенства возможностей и подавление конкуренции, и, как следствие этого, рост социальной напряженности и снижение эффективности экономики. Снижение стоимости доступа закономерно ведет к увеличению общего количества хозяйствующих субъектов. Это является одним из главных принципов экономико-правовой политики эко-

номически развитых цивилизованных государств. Так, «наиболее конструктивной особенностью проводимой в ФРГ политики в области собственности является противодействие необоснованной концентрации ее в руках государства, фирм и частных лиц путем наращивания общего количества собственников.»[4]

Снижение реальной стоимости доступа — задача более сложная. Тем не менее, есть известные пути ее решения. Сначала выясним, какие дополнительные затраты (по сравнению с номинальной стоимостью доступа) образуют реальную стоимость доступа. Это затраты, связанные:

— со стремлением органов власти и иных организаций расширить свои полномочия по сравнению с предусмотренными законодательством, что влечет за собой предъявление к хозяйствующим субъектам дополнительных незаконных требований и соответствующий рост расходов на их выполнение либо оспаривание;

— с плохой организацией работы органов власти и иных организаций, что закономерно приводит к росту издержек тех, чья деятельность связана с их решениями;

— с коррупцией в органах власти;

— с деятельностью преступных организаций.

Эти дополнительные затраты различны в разных регионах и часто меняются в зависимости от конкретной ситуации, но редко приближаются к нулю. Эффективная деятельность по минимизации этих затрат требует изучения их структуры и причин в конкретном месте и в конкретное время. Однако есть общие принципы, соблюдая которые, можно уменьшить реальную стоимость доступа. Реальная стоимость доступа уменьшится, если:

— вмешательство государственных органов в процесс создания новых хозяйствующих субъектов будет четко ограничено минимально необходимым набором функций;

— деятельность государственных органов и иных организаций в этой сфере будет жестко регламентирована;

— гражданину будет достаточно обратиться лишь в один государственный орган и получить решение в установленный законом срок, при этом функция общения с другими государственными органами будет возложена на орган, куда первоначально обратился гражданин;

— будет введена ответственность должностных лиц за предъявление не предусмотренных законодательством требований к субъектам хозяйствования;

— государственные органы будут действовать в рамках закона.

Последнее утверждение тривиально, но, к сожалению, очень актуально для Беларуси. Например, всю логику деятельности и хозяйствующих субъектов, и государственных органов можно разрушить, если принимать незаконные решения типа приостановления регистрации новых предприятий или их перерегистрации. Такая практика подрывает доверие к государству и приводит к тому, что хозяйствующие субъекты предпочитают либо иметь дело с другим, более надежным государством (что означает утечку капиталов за границу), либо иметь дело со структурами, конкурирующими с государством по поводу оказания хозяйствующим субъектам аналогичных услуг (что означает работу под покровительством преступных группировок и перетекание капиталов в теневую экономику).

Таким образом, эффективными законами следует считать законы, обеспечивающие минимальную стоимость доступа граждан к экономической деятельности. Положения законов, увеличивающие стоимость доступа, из каких бы добрых побуждений они ни вносились, неизбежно ведут к увеличению общественных издержек и неэффективности законов.

3. Легальная и теневая экономика

Как видим, уже на этапе создания и начала деятельности хозяйствующие субъекты сталкиваются с рядом трудностей. В этот момент они становятся перед выбором: работать, соблюдая все законы, или уклониться от их соблюдения. По всей видимости, хозяйствующих субъектов, работающих полностью нелегально, гораздо меньше, чем работающих полулегально. Поэтому проблему, стоящую перед хозяйствующими субъектами, можно сформулировать следующим образом: какая часть деятельности хозяйствующего субъекта будет осуществляться в рамках зако-

на? Результаты интервью с экспертами и руководителями предприятий свидетельствуют о том, что большинство хозяйствующих субъектов так или иначе обходят закон в определенных сферах своей деятельности. Надо сказать, что выбор, который делают хозяйствующие субъекты по этому поводу, практически никогда не бывает окончательным. Это значит, что граница между легальной и нелегальной частями деятельности хозяйствующих субъектов подвижна и может меняться в зависимости от обстоятельств.

Что же определяет выбор между легальной и нелегальной деятельностью? По данным опроса экспертов, основа этого выбора — рациональная оценка издержек, связанных с тем или иным типом деятельности. Другими словами, если прогнозируемые издержки легальности меньше издержек нелегальности, принимается решение работать легально, и наоборот. Принятое решение корректируется в зависимости от фактических издержек.

Учитывая вышеизложенное, можно сформулировать задачу законодателя, имеющего цель расширить сферу легальной и сузить сферу теневой экономики. Она состоит в том, что законы должны минимизировать издержки легальности и максимизировать издержки нелегальности. Проанализируем структуру этих издержек. Перуанский исследователь Эрнандо де Сото при анализе издержек легальности делит их на две части. Он пишет: «В любой деятельности есть два важных момента, когда люди определяют свое отношение к легальности: момент, когда они начинают эту деятельность, и момент, когда решают вопрос, продолжать ли ее»[5]. Таким образом, издержки легальности состоят из стоимости доступа и стоимости продолжения деятельности в рамках закона. В связи с тем, что проблему стоимости доступа мы достаточно подробно обсуждали в предыдущем разделе, обратим внимание на вторую часть издержек легальности — стоимость продолжения деятельности в рамках закона. Рассмотрим ее структуру. Она состоит, в частности, из:

— налоговых и неналоговых платежей в центральный и местные бюджеты и внебюджетные фонды;

— издержек, связанных с необходимостью защиты права собственности;

— издержек доступа к кредитным ресурсам;

— издержек по аренде помещений;

— судебных издержек;

— издержек, связанных с вмешательством государственных органов, в частности, контрольных служб;

— издержек на получение и возобновление лицензий и иных разрешений государственных органов;

— издержек, связанных с неэффективностью работы государственных органов;

— издержек, связанных с коррупцией в государственных органах;

— издержек, связанных с отсутствием безопасности хозяйственного оборота

Как видим, издержки легальности в значительной мере определяются деятельностью государственных органов, и это открывает большие возможности для законодателя по их снижению. Следует заметить, что нередко упоминаемый рецепт достижения экономического роста путем снижения налогов не может дать эффекта без комплексного снижения издержек легальности. Снижение налогов — мера необходимая, но не достаточная. Если государство ставит хозяйствующих субъектов перед проблемой высоких издержек легальности, оно сталкивается с потерей собственного влияния на экономику и расширением влияния теневых структур. Парадокс: чем больше государство вмешивается в экономику, повышая тем самым издержки легальности, тем большая часть экономики уходит из-под контроля государства «в тень».

Теневой сектор характеризуется иной структурой издержек хозяйствующих субъектов. Эти издержки уже меньше зависят от государства, хотя оно и может на них существенно влиять. Издержки нелегальности также можно разбить на две части: стоимость доступа к нелегальной экономической деятельности и стоимость ее продолжения. Стоимость доступа в этом случае достаточно низка: начать можно и с небольшой суммой в кармане (хотя и не любое дело). Однако стоимость продолжения весьма значительна.

Из чего же состоит стоимость продолжения нелегальной деятельности? Перечислим основные составляющие:

— издержки «подполья», связанные с угрозой преследования со стороны властей;
— издержки уклонения от налогов;
— плата за «опеку» рэкета;
— издержки, связанные с невозможностью заключать легальные контракты;
— издержки по защите собственности;
— издержки, связанные с невозможностью апелляции к закону и судебной защиты;
— издержки, связанные с ограниченным доступом к кредитным ресурсам;
— издержки, связанные с невозможностью набора достаточного количества качественной рабочей силы.

Как может справиться государство с задачей повышения издержек нелегальности? Мы видим, что это возможно в основном за счет усиления репрессивного аппарата. Однако это увеличит только часть издержек нелегальности, причем, пожалуй, не самую большую. Доведение таким способом издержек нелегальности до неприемлемого уровня потребует значительного увеличения государственных расходов, что закономерно увеличит налоги, а, следовательно, и издержки легальности.

Поскольку принятие хозяйствующими субъектами решения о легальной либо теневой деятельности происходит в результате оценки соответствующих издержек, законодателю важно не столько обеспечить повышение издержек нелегальности, сколько сделать более привлекательной легальную деятельность. Вряд ли причина увеличения теневого сектора экономики заключается в тотальной криминализации сознания наших граждан. Как показали интервью с экспертами, работа «в тени» вызывает сильный психологический дискомфорт и не воспринимается как норма. И это не является местной спецификой. Об этом же пишет Эрнандо де Сото: «Мы постепенно выяснили, что нелегальность — не лучший из всех возможных миров, что она связана с огромными издержками, что люди стараются избежать этих издержек всяческими мыслимыми, но на самом деле неудовлетворительными способами, что нарушение законов, по большому счету, никому не нужно, и что явный хаос, бесполезная трата ресурсов, захваты собственности и ежедневная отвага являются безнадежными, хотя и настойчивыми попытками построить систему, альтернативную той, которая отказала им в своей защите»[6].

Таким образом, государство не должно заставлять тех, кто работает в экономике, создавать альтернативные структуры. Для этого нужно повысить привлекательность официальных структур, снизив издержки легальности и обеспечив правовую защиту собственности и хозяйственного оборота. «Институциональные гарантии безопасности хозяйственного оборота являются необходимым условием финансирования экономики в каждом государстве. Эта проблема особенно важна и приобретает дополнительное значение в условиях системной трансформации... Результатом, а по принципу обратной связи — одновременно причиной отсутствия безопасности оборота, является развитие так называемой «теневой экономики»...»[7] — пишет известный польский экономист, вице-премьер и министр финансов польского правительства Гжегож Колодко.

Выталкивание хозяйствующих субъектов в теневую экономику, кроме сокращения бюджетных поступлений и роста преступности, имеет еще целый ряд негативных социальных последствий. Одним из самых важных является создание теневого рынка труда (что вполне закономерно, если создан теневой рынок капитала). На теневом рынке труда практически отсутствует правовая защита наемных работников. «Фактически данный рынок труда и более широкие социальные последствия теневой экономики являются более серьезными, чем ущерб, причиняемый фондам социального страхования и бюджету. Дело в том, что отношения всеобщей лжи и обмана распространяются в обществе, и это намного хуже, чем недостача средств в бюджете и фондах социального страхования... С другой стороны, теневая экономика отражает негибкость законодательства и налогообложения, которые создают трудности в легальных способах предпринимательской деятельности.»[8]

Оценка хозяйствующими субъектами издержек легальности как неприемлемых приводит к перетеканию капитала не только в теневую экономику, но и за рубеж. Таких случаев, когда государство из-за невежества собственных чиновников финансирует бюджеты других стран, в мировой практике немало, и бывало такое не только с отсталыми странами. Интересный случай привел к широкому хождению американских долларов в Европе: «В семидесятых годах амери-

канские банки, чтобы обойти трудности, возникшие из-за излишней регламентации их деятельности, в массовом порядке переносили свою деятельность в Лондон, таким образом развился рынок евродолларов»[9]. США, кстати, извлекли все-таки из этого пользу, т.к. распространение евродолларов дало им возможность сделать дополнительную эмиссию, но это, пожалуй, редкий случай, когда из ошибок удалось извлечь выгоду.

«В политике государства могут быть выявлены три тенденции по отношению к теневой экономике: полное игнорирование теневой экономики, попытки сократить ее размеры, трансформация ее в легальную экономику»[10]. Ситуация в Беларуси не позволяет игнорировать теневой сектор, т.к. он не только весьма значителен, но и постоянно увеличивается. Политика же сокращения объемов теневого оборота требует не только желания, но и понимания причин возникновения и существования теневого сектора. Многочисленные попытки расправиться с теневой экономикой, предпринятые многими странами мира, далеко не всегда давали положительный результат. Как правило, причинами неудач были, с одной стороны, жгучее эмоциональное желание покончить с пороком, которое препятствовало холодному рациональному расчету, с другой -непонимание сути проблемы, непрофессионализм, деятельность чиновников на основе общепринятых представлений обыденного сознания, распространенных в обществе той или иной страны мифов и предрассудков.

Проведенный нами анализ свидетельствует, что государство имеет реальную возможность повысить эффективность экономики и сократить размеры теневого сектора в экономике до минимума. Для этого надо прежде всего бороться не столько с теневым сектором, сколько с условиями, которые способствуют его росту. Реформа законодательства с целью сведения к минимуму издержек легальности — необходимый шаг, создающий основу для решения проблемы.

Заключение

Как правило, перед принятием нормативных актов проводится экспертиза их проектов. При этом обычно выясняется ряд вопросов: не противоречит ли проект Конституции и законам, иным нормативным актам, не потребует ли принятие этого акта внесения изменений и дополнений в другие нормативные акты, соответствует ли проект требованиям законодательной техники. Кроме этого, иногда оценивается уровень расходов государства на выполнение данного акта. Однако это делается в основном только для актов, предусматривающих выплаты из госбюджета. Очевидно, что применяемые ныне критерии оценки качества законопроектов и проектов иных нормативных актов нельзя признать достаточными и соответствующими реальным задачам по реформированию экономики с целью повышения ее эффективности.

Необходимость создания законодательной базы экономических реформ, направленных на создание свободной рыночной экономики, обеспечивающей сочетание высоких темпов роста с эффективной социальной поддержкой нуждающихся, ставит новые задачи. Проведенный анализ позволяет утверждать, что проекты нормативных актов, регулирующие хозяйственную деятельность, должны проходить специальную экспертизу. В ходе такой экспертизы необходимо оценивать уровень издержек, которые понесут все участники правоотношений, чьи действия будут регулироваться данным нормативным актом. Важно не только минимизировать государственные расходы (для этого в большинстве случаев достаточно минимизировать функции государственных органов), но и снизить расходы общества в целом. Это означает, что законодатель должен стремиться к уменьшению издержек всех участников хозяйственного оборота, начиная со стоимости доступа к хозяйственной деятельности для граждан и заканчивая минимизацией всех видов издержек легального функционирования.

Список литературы

1. Клитгаард Роберт. Учет реальности. За пределами спора «государство или рынок» в экономическом развитии. // Международный центр экономического роста, Пасифик БВЛ Корпорейшн, «Евроиндекс Лтд», 1994.

2. Мартинович И.И., Пастухов М.И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь. Школа предпринимателя «Амалфея», Минск, 1995, с. 161.
3. Фридман М. Взаимосвязь между экономической и политической свободами. В кн.: Фридман и Хайек о свободе. Минск, «Полифакт-Референдум», 1990, с.14.
4. Ламперт Хайнц. Социальная рыночная экономика. Германский путь. М. «Дело», 1994, с.76.
5. Hernando de Soto. The Other Path. New York, Harper & Row Publishers, 1989, p.132.
6. Там же, с.152.
7. Колодко Гжегож. Польша 2000. Новая экономическая стратегия. Варшава, «Польтекст», 1996, с. 87,88.
8. Грязнова Л., Марусис Г. Занятость: уровень, структура и формы регулирования. Мн., Белгосуниверситет, 1994, с.45.
9. Albert Michel. Kapitalizm Kontra Kapitalizm. Krakow, «Signum», 1994, s.211
10. Грязнова Л., Марусис Г., указ.соч., с.45.

Вячеслав БОБРОВИЧ,
кандидат философских наук

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО — НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ?

Казалось бы, энергия первых лет перестройки и гласности, выплеснувшая на страницы «толстых» журналов все, что накопилось за долгие годы несвободы, сожгла столь злободневные когда-то проблемы идеологии и утопии (см., напр., М. Капустин. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990), переплавив их в давно уже ставшую привычной проблематику либеральной демократии, правового государства и пр. Да и правомерно ли говорить о гражданском обществе как об утопии, если оно уже много лет реально существует не только на Западе, но и на Востоке, а значит априори не имеет никакого отношения к утопическому сознанию? Если бы это было в действительности так, то вынесенный в заголовок вопрос всего лишь в очередной раз поставил бы под сомнение возможность создания у нас в обозримом будущем того, что обычно скрывается под понятием «гражданское общество». (Это значит — развитую систему горизонтальных связей и отношений, без которой в принципе не может идти речь ни о правовом государстве, ни о демократии). Наша задача несколько иная. Не впадая в крайний пессимизм по поводу судеб демократических реформ в Беларуси, попробуем проанализировать возникающий при этом парадокс. Суть его в том, что, по всей видимости, идея гражданского общества в нашем государстве только тогда и будет иметь реальные шансы на успех, когда станет для подавляющей части населения наиболее предпочтительным вариантом новой социальной утопии.

Парадоксальность такой постановки вопроса в значительной степени обусловлена некоторой двусмысленностью самого понятия «утопия», никогда не принадлежавшего к числу простых и однозначных. Среди ученых, непосредственно занимающихся данной проблематикой, какого-либо единства на этот счет нет. В каком-то смысле оно может быть отнесено к разряду так называемых «предельных». В этом ряду мы найдем понятия «социализм», «демократия», «политическая справедливость» и др., которые означают скорее потенциальную возможность тех или иных явлений общественной жизни, нежели их объективную реальность. Вот почему споры относительно вкладываемого в эти понятия содержания не утихают на протяжении многих лет, что, однако, не умаляет их значения в качестве инструментария, используемого политической и социальной наукой в исследовании социальных явлений (см., напр., Кравченко И.И. Рациональное и иррациональное в политике. // Вопросы философии,1996, №3, с.3-18).

Содержательный анализ понятия «утопия» осуществляется с различных, порой взаимоисключающих позиций. Согласно одной из них, утопией являются просчеты, ошибки стоящих у власти политиков в выборе целей или же средств проводимой ими политики. Совершенно иначе трактуется утопия теми, кто уподобляет ее своего рода двигателю общественного развития, чему-то сродни «идеям, овладевающим массами» и преобразующим действительность. Если при первом подходе утопия, будучи свидетельством неудачи политического замысла, признается в качестве утопии только постфактум, то во втором, выступая стимулятором преобразований, признается и даже претендует на роль таковой с самого начала. В аксиологическом смысле первый подход придает утопии однозначно негативное звучание, потому как ассоциируется с чем-то неосуществимым, а значит, мешающим грамотному политическому руководству обществом и государством. Второй подход наполняет понятие утопии позитивным содержанием, поскольку она концентрирует в себе образ будущего, вдохновляющий на изменение, на совершенствование настоящего.

В период безраздельного господства одной из самых радикальных и воинствующих утопий, нашедшей свое обоснование в идеологии марксизма-ленинизма, отношение к утопии как таковой (и здесь мы видим один из многочисленных парадоксов данного учения) было однозначно негативным. Считалось, что, начиная с Т. Мора и кончая ревизионизмом левого движения в XX веке, утопизм не нес в себе ничего, кроме «заблуждений» и опасных увлечений «иными» путями движения к «светлому будущему». С другой стороны, на Западе, где страсть к утопиям не соеди-

нялась с революционной практикой, все чаще можно было встретить положительную оценку того заряда, который так или иначе несут в себе утопические образы будущего. Методологию анализа утопии как стимулирующего общественное развитие замысла разрабатывали в разное время Э. Блох, К. Мангейм, Ю. Хабермас и др. Так или иначе в ее основании легко обнаружить «принцип надежды» Э. Блоха и тесно связанное с ним определение утопического сознания как имманентно присущего всякому индивидуальному и общественному бытию. Отсюда пошло противопоставление конкретной, т.е. выражающей энергию созидательных замыслов, и «дурной» утопии. В целом, воля к утопии, как предвосхищение будущего, получает в творчестве Э. Блоха безусловно положительную характеристику (Э. Блох. Принцип надежды. См. в кн.: Утопия и утопическое мышление. М., 1991, с.49-53).

Оригинальную интерпретацию проблем утопии и идеологии дает в своей работе «Идеология и утопия» К. Мангейм. И ту и другую он относит к идеям, не соответствующим действительности (К. Мангейм. Идеология и утопия. См. в кн.: Утопия и утопическое мышление. М., 1991, с.113). Собственно говоря, «адекватные» общественному бытию представления, согласно К. Мангейму, встречаются крайне редко. Чаще всего нам приходится иметь дело либо с идеологиями, либо с утопиями. Между ними существует принципиальное отличие. «Идеологиями, — пишет К. Мангейм, — мы называем те трансцендентные бытию представления, которые de facto никогда не достигают реализации своего содержания» (там же, с. 115). Это идеи, которые, как правило, не подрывают, а сохраняют существующий порядок, сохраняя тем самым статус-кво, а значит, и властные позиции тех, кто эти идеи выдвигает (например, «убаюкивая» общественное сознание в период острых социально-экономических или политических кризисов заведомо невыполнимыми обещаниями, вместо того чтобы предпринимать реальные шаги по реформированию экономики). Иное дело утопии, которые тем и отличается от идеологий, что своим противодействием действительности им удается преобразовать ее согласно своим представлениям. Утопии взрывают существующий порядок, выполняя тем самым оздоровительную функцию. И хотя утопии также могут быть в принципе неосуществимы (в терминологии К. Мангейма это значит быть «абсолютной утопией»), чаще всего их пытаются представить в качестве таковых «представители утвердившегося социального порядка» (там же, с. 116-117). Что конкретно считать утопией, а что идеологией, определить крайне трудно. «Утопичность идей всегда выявляют представители господствующего слоя, находящиеся в полном согласии с существующим порядком: идеологичность — представители поднимающегося слоя, отношения которых к существующему порядку полны напряжения, вызванного самим их положением в данном обществе» (там же, с. 121).

Итак, то, что было утопией сегодня, может стать действительностью завтра. Такую трактовку понятия «утопия» разделяют сегодня многие западные социологи. Именно в этом смысле употребляет его известный немецкий социолог и философ Ю. Хабермас, когда, пытаясь отстаивать жизнеспособность идеи социализма после падения берлинской стены и краха советской системы, утверждает, что энергия утопий не исчерпана — исчерпана лишь одна из возможных утопий, а именно коммунистическая утопия большевистского толка (см., например, кн.: Монтон Пер. Современная западная социология. Спб., 1992, с.340).

Данная методология анализа позволяет охарактеризовать идею гражданского общества, имевшую определяющее значение в процессе прогрессирующей эмансипации западного общества в течение последних двух столетий, как успешно сыгравшую роль относительной утопии и ставшую благодаря этому фактом социальной действительности. Сможет ли эта же идея сыграть подобную роль в процессе демократизации общественной жизни Беларуси — пока не известно. В современной политической ситуации проблема гражданского общества у нас стоит как никогда остро. Причин тому множество, и главная в том, что правовое государство, каковым Республика Беларусь является согласно Конституции, до сих пор остается скорее «декларацией о намерениях», нежели реальностью. Охрана прав и свобод личности, гарантируемая правовым государством, еще долго будет лишь благим пожеланием, если не возникнет гражданское общество, т.е. сфера общественной жизни, не контролируемая, а, наоборот, контролирующая государство. Не зря ведь политологи называют гражданское общество и правсвое государство двумя сторонами одной медали.

Проблемам гражданского общества в Республике Беларусь в последнее время посвящаются многочисленные семинары и конференции, проводимые как государственными, так и общественными организациями. Наряду с проблемами политической культуры она стала в постперестроечной социальной и политической науке одной из самых актуальных. В этом смысле республики бывшего СССР демонстрируют удивительное сходство. Долгое время в центр внимания научной общественности здесь выносилась какая-то одна проблема, от решения которой, как казалось, зависело решение всех остальных. Происходило нечто похожее на поиск некоторой нити, потянув за которую можно было бы размотать весь клубок.

Поначалу, к концу 80-х годов, подобную функцию взяла на себя проблема собственности, затем — поиск путей и форм демократизации всех сфер жизни общества. По мере того как становилось очевидным, что проведение демократических преобразований в стране, «побежденной социализмом», сопряжено с целым рядом непредвиденных трудностей, пришло понимание сложности и противоречивости феномена демократии. Оказывается, сама по себе она не страхует от анархии, произвола и социальной несправедливости, от всего того, что иногда называют «разгулом» демократии. Кроме того, она может быть тоталитарной, популистской, т.е. подавляющей права и свободы отдельной личности. Именно поэтому современная западная демократия зовется либеральной, т.е. обладающей хорошо отлаженными механизмами защиты интересов индивида от посягательств «подавляющего большинства», а саму демократию от самоуничтожения.

В итоге вопросы демократизации в Республике Беларусь приобрели более конкретное звучание и ориентиры. Сегодня в качестве первоочередной задачи всё чаще рассматривается построение правового демократического государства, а практическое решение этой задачи заставляет делать акцент на его обратной строне — гражданском обществе. И не только потому, что развитие таких институтов является испытанным средством привлечения к участию в политике широких масс населения (т.е. реальной демократизации общества и государства), но и потому, что только развитое гражданское общество способно решить проблему, которая до сих пор в республиках бывшего СССР до конца не решена. Речь идет о создании надежного механизма, препятствующего узурпации власти кем бы то ни было, т.е. о механизме, страхующем от реставрации тоталитаризма.

Идея гражданского общества в Республике Беларусь может сыграть двоякую роль. С одной стороны, она может стать, в силу некоторых неблагоприятных обстоятельств, политической утопией. С другой — при благоприятных условиях — взять на себя роль утопии социальной. Пока еще рано говорить об однозначности того или иного варианта. О политической утопии можно будет говорить лишь тогда, когда все попытки государственных и негосударственных организаций по целенаправленному формированию элементов гражданского общества потерпят неудачу. Пока что эта идея существует в виде политического проекта, проводимого в жизнь различными политическими и неполитическими институтами. Его шансы на успех достаточно проблематичны уже хотя бы потому, что ожидать от государства каких-то сверхусилий по созданию дополнительных механизмов контроля над собственной деятельностью со стороны общественных организаций вряд ли приходится. Не зря ведь история становления гражданского общества на Западе свидетельствует, что этот процесс имел в целом скорее спонтанный, нежели управляемый сверху характер. Не говоря уже о том, что и происходило это не так быстро, как нам бы сегодня хотелось. Но у нас нет, к сожалению, тех двух-трех столетий, которые история дала для «разбежки» западноевропейской цивилизации. В лучшем случае у нас есть 5-10 лет, которые необходимо потратить на окончательное самоопределение в вопросе движения: по пути в европейское сообщество или «от него».

И в то же время проект создания гражданского общества не стоит хоронить раньше времени. Кроме минусов, в деле его успешного осуществления есть и очевидные плюсы. «Произрастание» гражданского общества на Западе заняло много времени, но в нашей стране этот процесс может быть существенно ускорен. Особенно если учесть, что международная обстановка этому явно благоприятствует. Сегодня не только Россия, значительно опережающая нас по пути радикальных реформ, но и Запад, в немалой степени заинтересованный в трансформации «закрытых» обществ в «открытые», могут стать катализаторами демократических преобразований в

Беларуси. Свидетельством тому служит деятельность многочисленных зарубежных фондов, активно поддерживающих сегодня не только исследование проблем гражданского общества (как это было несколько лет назад), но и все его ростки, проявляющиеся в виде различного рода самодеятельных организаций. Кроме того, эпоха постиндустриализма (в социально-экономическом измерении) и постмодерна (в культурном срезе) создает условия, делающие возможными не только естественное «произрастание» демократии, но и в каком-то смысле ее целенаправленное «взращивание». Роль государства в формировании гражданского общества может и должна быть конструктивной. Тем более, что без широкой законодательной поддержки нарождающиеся институты гражданского общества будут носить стихийный, чреватый для государства непредсказуемыми последствиями характер.

В целом, политический проект формирования гражданского общества в Республике Беларусь имеет примерно равные шансы как на успех, так и на провал. Как раз это обстоятельство и заставляет вспомнить о том, что идея гражданского общества способна успешно выступать в роли социальной утопии. Может быть, это звучит и несколько странно, но как раз для того, чтобы гражданское общество не стало политической утопией (т.е. не потерпела провал), она должна сыграть роль утопии социальной (роль конструктивной, мобилизующей силы).

Собственно говоря, утопия как совокупность идей, воплощающих в себе надежду на лучшее будущее и наделяющих энергией любое масштабное общественное начинание, никогда не покидала коллективное сознание белорусов. Несмотря на то, что большинство из них уже давно не связывает эти надежды с коммунизмом, так или иначе они полны ностальгии по прошлому, легко верят обещаниям вернуть былое благополучие и порядок. В этом смысле современная ситуация в республике являет еще один парадокс — теперь уже «идеологический». Если раньше нас призывали жить ради счастья будущих поколений, забывая о неустроенности быта, дефиците и пр., то сегодня, когда на самом деле такая жертвенность со стороны старшего поколения была бы действительно необходимой и оправданной, этого от него никто не требует и даже не просит.

Наше общество уже давно живет с «повернутой назад» головой. В силу ряда обстоятельств будущее нашей страны определяют, как правило, не те, кому суждено в этом будущем жить, а те, у кого почти все уже в прошлом. Соответственно, настоящее оценивается ими не по его вкладу в будущее, а по его способности консервировать прошлое (Как это чаще всего бывает, правда находится где-то посередине. Например, западногерманские неоконсерваторы предлагают на этот счет руководствоваться мудрым правилом: «одной рукой развивать то, что можно, другой — сдерживать и сохранять то, что должно» (Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus. 1975, S.34)). При всей размытости очертаний образ конструируемого сегодня большинством населения Беларуси будущего неизменно наделяется качествами социальной справедливости, отсутствием частной собственности, духом коллективизма и сотрудничества. Образ именно такого будущего около 70 лет «вдохновлял» наш народ на «великие свершения». Сегодня, когда ошибочность коммунистической утопии стала очевидной, государству следовало бы попытаться (при всей трудности такого шага) убедить старшее поколение в том, что момент, когда решается судьба их детей, наступил и что радикальные социально-экономические преобразования потребуют на какое-то время смириться с трудностями переходного периода. Болезнь общества приобрела настолько острый характер, что лишь радикальное лечение в виде немедленных радикальных реформ способно принести положительные результаты. Да и то не сразу, а по истечении какого-то времени. Однако политическое руководство страны, умело манипулируя лозунгами порядка, справедливости, социальной защищенности, делает ставку на старшее поколение, а вместе с ним и на сохранение всего того, с чем были связаны лучшие годы их жизни. (Правда, радикально изменившиеся условия не дают воспроизвести этот идеал в первозданном виде, поэтому и рождаются идеологические «уродцы» типа концепции «рыночного социализма»). То, что при этом страна неминуемо скатывается к экономическому краху, оказывается для них менее значимым, чем логика борьбы за власть и обусловленное ею стремление манипулировать сознанием «непросвещенного» большинства.

Казалось бы, в такой ситуации идея гражданского общества еще долго будет «чуждым цветком» на белорусской «ниве». Однако, если рассматривать её в сравнении с другими вариантами социальной утопии (с нацеленной на уравниловку популистской диктатурой либо ориентиро-

ванной на «особистость» белорусского пути национальной демократией), то в таком случае она может быть наиболее разумной и перспективной. В пользу данного вывода можно привести несколько весомых аргументов. Во-первых, идея гражданского общества в концентрированном виде выражает либерально-гуманистические ценности в целом, а значит, может служить наиболее значимым ориентиром на пути к правовому демократическому государству. Во-вторых, создание институтов гражданского общества предполагает активное социальное творчество широких масс населения, что само по себе не противоречит тем установкам, которые когда-то, пусть на словах, а не на деле, пытались прививать советскому человеку (черты которого еще не утрачены нашим народом). В-третьих, идея гражданского общества является едва ли не единственной идеей подобного масштаба, не имеющей последовательных противников (государственные структуры скорее готовы задушить её «в объятиях», нежели открыто оппонировать). В то же время поддержка ей оказывается по различным каналам самыми разными политическими силами. И, наконец, один из самых весомых аргументов — явно или скрыто ее одобряет большинство ориентирующихся на последовательно демократические реформы интеллектуалов, способных самым непосредственным образом повлиять на ее распространение в широких слоях населения. При грамотно организованной пропаганде ее сторонниками могут стать даже некоторые консервативно настроенные коммунисты (поскольку гражданское общество также предполагает развитие гражданской инициативы, поддержание порядка, уважение традиций, воспитание патриотизма и т.д.). В любом случае в руках у интеллигенции находится наиболее действенный рычаг, с помощью которого идея гражданского общества может быть превращена в конструктивную утопию. Этим рычагом является гражданское образование.

Содержание и формы такого образования — предмет особого разговора. Конечно, оно принципиально отличается от того, что считалось гражданским образованием в нашей стране в годы советской власти. Гражданское образование во всяком государстве ставит своими задачами воспитание уважительного отношения к существующим политическим и социальным институтам и имеет в конечном итоге своей целью успешную социализацию личности (усвоение всей совокупности правовых, политических, культурных и пр. норм, которыми руководствуется каждый гражданин данного сообщества). Однако гражданское образование в демократическом правовом государстве ещё к тому же ориентируется на либерально-гуманистические ценности, прививает чувство законной гордости за свое государство, создавшее и сохранившее демократические институты. Можно сказать совсем просто — гражданское образование учит жить в определенном сообществе, государстве. Демократическое гражданское образование учит жить в демократическом государстве. Вот почему очень часто в качестве эквивалента понятия «гражданское образование» на Западе выступает «воспитание демократии».

Как известно, до конца 50-х годов в СССР господствовала установка на воспитание подрастающего поколения для жизни в обществе, которое в перспективе, по мере построения коммунизма, станет бесклассовым и «негосударственным». Постепенно, по мере парадоксального (опять же) укрепления, а не «отмирания» государства, школы переориентировались на воспитание молодежи в духе гражданственности, любви к советской Родине и т.п. И лишь по мере того, как вера в светлое будущее стала остывать, школы постепенно пришли к тому, к чему и были способны — воспитанию абитуриента. Сегодня перед гражданским образованием в Республике Беларусь стоят очень важные и масштабные задачи. Вопросам концептуальной проработки курсов, содержанию и формам обучения уделяют много внимания не только государственные, но и многочисленные общественные фонды и организации. Ситуация чрезвычайно благоприятна для того, чтобы сделать идею гражданского общества стержневой во всей системе гражданского образования. Таким образом, можно будет (как это было, скажем, сделано в послевоенной Германии) осуществить программу «перевоспитания» нации, ее «переориентацию» на новые ценности и «святыни» — права человека, рыночная экономика, демократические процедуры принятия решений. Это значит не только по-новому воспитать молодежь, но и в какой-то степени изменять искорёженное 70-летними коммунистическими экспериментами сознание старшего поколения.

Марына САКАЛОВА,
научный сотрудник Института истории

КАНСЕРВАТЫЗМ У СУЧАСНЫХ ГРАМАДСТВАХ

У лістападзе 1996 г. у Зальцбургу (Аўстрыя) адбыўся семінар «Кансерватызм у сучасных заходніх грамадствах». На самой справе тэматыка дакладаў і паведамленняў была значна шырэйшая — абмяркоўваліся сучасныя кансерватыўныя рухі ў Еўропе (Заходняй і Усходняй), ЗША, Індыі, Кітаі, Лацінскай Амерыцы, аналізаваліся гісторыя і тэорыя кансерватызму як такога. Іншымі словамі, семінар быў прысвечаны абмеркаванню гісторыі і сучаснасці кансерватыўных рухаў, іх спецыфіцы ў залежнасці ад гістарычных і палітычных умоў.

У семінары бралі ўдзел вучоныя, якія займаюцца палітычнай філасофіяй, гісторыкі, сучасныя палітычныя дзеячы і журналісты. Такі склад удзельнікаў даў магчымасць паглядзець на праблему комплексна. Тэарэтыкі атрымалі шанс адчуць пульс сучаснага палітычнага жыцця, а для палітыкаў вельмі важны быў зварот да базавых каштоўнасцяў і асноватворных прынцыпаў кансерватызму, якія забываюцца, адыходзяць на другі план у палітычных баталіях па гарачых праблемах сучаснага жыцця. Цікава было таксама пазнаёміцца з нацыянальнымі мадыфікацыямі кансерватыўнай ідэалогіі.

Прафесар Мюнхенскага ўніверсітэту Ё.Йофэ ў дакладзе «Адна назва — розныя феномены. Кансерватызм у Амерыцы і Еўропе» зноў звярнуўся да вызначэння паняццяў «кансерватызм», «лібералізм», «сацыял-дэмакратызм» і інш. ды розніцы паміж імі. Гэты вучоны — прыхільнік тэорыі, якая разглядае кансерватызм не як аўтаномную ідэалогію, а як рэакцыю на французскую рэвалюцыю і ліберальныя тэорыі XVIII ст.[1] Ё.Йофэ лічыць, што класічны кансерватызм з'яўляецца проціледгласцю класічнаму лібералізму. Таму, калі пад лібералізмам разумеецца індывідуальная свабода, індывідуальная адказнасць, неабмежаваныя рыначныя адносіны, «мінімалісцкая» дзяржава, то класічны кансерватызм ставіць у цэнтр эпістэмалогіі і ідэялогіі грамадства і супольнасць, адказнасць грамадства за сваіх членаў (грамадства павінна браць на сябе адказнасць за сваіх членаў двума спосабамі; гэта, кажучы па-сучаснаму, некаторыя стандарты сацыяльнай аховы і абароны ды клопат пра захаванне «віктарыянскіх каштоўнасцяў»). Акрамя таго, кансерватызм грунтуецца на рэлігіі (у адрозненне ад секулярызму лібералаў), з вялікай падазронасцю ставіцца да зменаў і не давярае тым, хто лічыць, што мае падставы змяняць і, адпаведна, мае план такіх зменаў.

Дырэктар Парыжскага інстытуту палітычных даследаванняў прафесар А.-Ж. Слама належыць да прыхільнікаў уплывовай навуковай тэорыі, якая разглядае кансерватызм перадусім з псіхалагічнага пункту гледжання. Сутнасць гэтага погляду была выкладзена М. Оўкшатам у эсэ «Быць кансерватарам»: кансерватар схільны карыстацца тым, што «даступна, а не тым, што можа быць... Кансерватар паважае сучаснае, і паважае яго не таму, што яно звязана са старажытнасцю, не таму, што яно лепш за іншыя альтэрнатывы, а таму, што яно больш вядомае і прывычнае...Быць кансерватыўным — гэта значыць аддаваць перавагу вядомаму перад невядомым, выпрабаванаму перад невыпрабаваным, факту перад тайнай, актуальнаму перад магчымым, блізкаму перад далёкім,... зручнаму перад дасканалым, сучаснаму смеху перад утапічным шчасцем».

Разам з тым прафесар А.-Ж. Слама лічыць, што ў аснове кансерватызму ляжыць маналітная камунітарная традыцыя, якую можна вызначыць па наступных крытэрыях:

---

[1] *Як вядома, акрамя прыведзеных, існуюць і іншыя погляды на статус кансерватыўнай ідэялогіі. Некаторыя даследчыкі лічаць кансерватызм сітуацыйнай ідэялогіяй, г. зн. такой, якая паўстае кожны раз, калі ў грамадстве адбываюцца важныя змены; змест такой ідэялогіі цалкам залежыць ад накірунку гэтых зменаў і вызначаецца толькі як імкненне захаваць тое, што змяняецца ці знішчаецца; таму кансерватызму як такога не існуе, а ёсць толькі вялікая колькасць «кансерватыўных рэакцый», розных па зместу і накірунку. Існуе таксама погляд на кансерватызм як на гістарычны фенамен пачатку XIX ст., які быў звязаны з канкрэтнымі гістарычнымі падзеямі; паняцце «сучасны кансерватызм» для прыхільнікаў такога погляду з'яўляецца нонсэнсам.*

1. стаўленне да іншых: неканфліктная тэорыя стварэння (стасункі паміж людзьмі павінны падтрымліваць сувязі, абумоўленыя прыналежнасцю да адной краіны, паколькі гэта з'яўляецца асноўным прынцыпам неканфліктнай псіхалогіі); кансерватары імкнуцца выратаваць людзей ад канфліктаў, усталяваць такое грамадства, дзе канфлікты немагчымыя (гэтым яны адрозніваюцца ад рэакцыянераў: калі першыя не прымаюць канфлікт, дык другія нават імкнуцца стварыць яго, каб вярнуць былы стан рэчаў);

2. стаўленне да прыроды: «мы з'яўляемся часткай прыроды»;

3. стаўленне да гісторыі: трэба прымаць і ўлічваць урокі гісторыі, а не карыстацца рацыяналізаванымі канцэпцыямі пераўтварэння грамадства; нельга імкнуцца да дасканаласці грамадскіх дачыненняў і чалавека, бо дасканалы толькі Бог;

4. адказнасць, вернасць маральным каштоўнасцям.

Відавочна, сучасныя кансерватары вельмі адрозніваюцца ад напрамку, вызначанага М. Оўкшатам. Таму Ё.Йофэ прапанаваў сучасных кансерватараў (М.Тэтчар, Р.Рэйгана і іншых) называць нэакансерватарамі, а класічных (Э.Бэрка, Р.Шатабрыяна і інш.) — палеакансерватарамі. Калі палеакансерватызм стаяў за супольнасць і стабільнасць, дык нэакансерватызм часам ідзе на радыкальныя змены ў арганізацыі рынку і дзяржавы. Разам з тым, адзначыў Ё.Йофэ, змяніўся і лібералізм: у XIX ст. ён пастуляваў свабоду ад дзяржавы і свабоду для прыватнага, індывідуальнага рынку; цяпер жа лібералы стаяць за моцную дзяржаву, якая ўсё размяркоўвае, высокі ўзровень сацыяльнага забеспячэння (высокія падаткі), удзел дзяржавы ў прыватных справах.

Але, хоць лібералізм і кансерватызм XX ст. вельмі адрозніваюцца ад класічных, сучасныя лібералы і кансерватары не цалкам страцілі былыя звычкі і спосаб мыслення. Так, сучасныя лібералы, у адрозненне ад класічных, вераць у моцную дзяржаву, але, як і іх папярэднікі ў XVIII ст., яны таксама вераць у індывідуальную свабоду. Сучасныя кансерватары, з аднаго боку, прытрымліваюцца поглядаў, процілеглых поглядам сучасных лібералаў, а з другога боку, яны прынялі ключавыя элементы ідэалогіі іх папярэднікаў: як А.Сміт і Дж.Лок, яны выступаюць за свабодны рынак і персанальную адказнасць, абмежаваны ўрад і нізкія падаткі. Разам з тым, кансерватары імкнуцца захаваць рэлігійныя і маральныя асновы класічнага кансерватызму: моцную царкву, моцнае пачуццё калектыўнай адказнасці, трывалую сям'ю і гэтак далей.

Усё гэта абумовіла, па-першае, шматлікія дыскусіі і спрэчкі паміж прыхільнікамі розных плыняў у ліберальных і кансерватыўных партыях (у якасці прыкладу Ё.Йофэ прывёў канфлікты ў Рэспубліканскай партыі ЗША і дыскусіі брытанскіх кансерватараў). Па-другое, «мутацыя» ідэялогій у XX ст. прывяла да таго, што лібералізм практычна спалучыўся з сацыял-дэмакратыяй, а кансерватары пайшлі на саюз з сацыялістамі. Ё.Йофэ выказаў вельмі цікавую думку пра сувязі кансерватызму і сацыялізму. Як кансерватызм, так і сацыялізм былі рэакцыяй на лібералізм, індывідуалізм і капіталізм. Нягледзячы на ўсе адрозненні, гэтыя ідэялагічныя плыні сыходзяцца ў наступным: абедзьве стаяць за моцны ўрад і моцную калектывісцкую супольнасць, падазрона ставяцца да індывідуму і індывідуальнага, да рынку (ні кансерватары, ні сацыялісты не прымаюць свабодны рынак, які, быццам кіслата, раз'ядае грамадства, знішчае традыцыі і зводзіць усе сувязі да абмену, заробку, прыбытку і г.д.); абедзве звяртаюцца да ідэалізаванага мінулага. Таму, лічыць Ё.Йофэ, аб'яднанне кансерватараў (правых) і сацыялістаў (левых) было толькі пытаннем часу. Менавіта такім з'яўляецца сучасны кансерватызм у кантынентальнай Еўропе, які атрымаў назву хрысціянскай дэмакратыі. Прыкладам палітыка, які прытрымліваецца такой ідэалогіі, на думку Ё.Йофэ, ёсць Гельмут Коль.

У выніку апісаных вышэй зменаў склалася, як адзначыў прафесар А-Ж.Слама, такая сітуацыя, што разрыў паміж кансерватарамі, лібераламі і сацыялістамі становіцца ўсё меншым, і палітычны спектр цяпер можна вызначыць толькі па такіх крытэрыях, як правыя і левыя блокі, у якія групуюцца нашчадкі гэтых палітычных традыцый.

Такое ж разуменне сучаснага палітычнага спектру ляжыць у аснове аналітычнай тыпалогіі, прапанаванай М.Эдвардсам, членам Рэспубліканскай партыі ЗША, выкладчыкам Гарвардскага ўніверсітэту (гл. табліцу).

Левыя	Прагрэсісты	Цэнтр	Кансерватары	Правыя
Універсаліцкі розум	Прагматычны універсалізм	Нейтральны прагматызм	Разумная традыцыя	Традыцыя
гармнічны сацыялізм, рамантычны марксізм, секулярызаваны радыкалізм, навуковы марксізм, секулярызаваны гуманізм, унітарызм, манчэстэрскі лібералізм, карпаратывізм, ідэялістычны марксізм	секулярызм, лейбарысты, Сун Ятсэн, сацыял-дэмакраты	Дж. Неру, Атацюрк, гаміньдан, кансерватары хрысціянскія дэмакраты	М. Ганді М.Тэтчар кансерватары – прыхільнікі Лока	індуізм, іслам, артадаксальны іудаізм, нацыянальны каталіцызм, артадаксальны пратэстантызм нацыяналізм, амерыканскі нацыяналізм

Цікава, што некаторыя высновы даклада прафесара А.-Ж.Слама сталі свайго роду адказам на пытанне, чаму кансерватары займаюць цэнтр палітычнага спектру. Вучоны адзначае, што сучасныя кансерватары змянілі свае пазіцыі і лозунгі: цяпер яны выступаюць не «супраць», а «за»:

— не супраць роўнасці, а за роўнасць магчымасцяў;

— не супраць рэальных правоў, а за фармальныя правы;

— не супраць свабоды, а за прадухіленне яе пабочных эфектаў, бо, напрыклад, калі свабоды зашмат, гэта можа прывесці да гвалту (кансерватары сцвярджаюць, што яны могуць зрабіць тое ж, што і лібералы, але з меншымі стратамі і пабочнымі эфектамі, без скрайнасцяў).

Разам з гэтым прафесар Слама адзначыў і радыкалізацыю пазіцый пэўнай часткі кансерватараў, якая абумоўлена некаторымі сучаснымі праблемамі (міграцыя, экалагічныя праблемы і інш.) ды зваротам да камунітарызму і нацыяналізму, характэрных для класічнага кансерватызму. Гэта вядзе да фашысцкага нацыяналізму і інтэгрысцкіх рэлігійных рухаў, з аднаго боку, і да ўмацавання прафсаюзнага руху і іншых відаў кааперацыі, вяртання да скрайнасцяў 30-х гадоў і саюзу з каталікамі — з другога. Неканфліктная мадэль грамадства кансерватараў таксама стварае глебу для апраўдання гвалту, бо кампраміс магчымы толькі тады, калі канфлікт прымаецца як натуральная з'ява.

У дакладзе П.Сінха, прафесара інстытуту Джавахарлала Неру (Індыя), экалагічны гуманізм М.Гандзі быў прадстаўлены як індыйскі варыянт кансерватызму. Прыхільнікі М.Гандзі супрацьстаяць тым філосафам, якія прапагандуюць рацыяналізм і эканамічны рост, яны абараняюць традыцыйную культуру, сялянскую гаспадарку і прынцыпы няроўнасці, якія нельга аддзяліць ад індыйскай традыцыі, крытыкуюць сучасную заходнюю цывілізацыю. Вельмі цікава П.Сінгха апісаў сучасную Індыю: для яе характэрны рэлігійны секулярызм, эканамічны лібералізм, сацыя-культурны кансерватызм, а ў палітыцы — ліберальна-кансерватыўны сацыялізм.

Гісторыі паўстання сучаснага кансерватызму ў ЗША былі прысвечаныя даклады У.Рашэра, вядомага амерыканскага палітычнага дзеяча і журналіста, і Д.Дэвіна, доктара палітычнай філасофіі, галоўнага кансультанта Р.Рэйгана і Р.Доўла ў час іх выбарчых кампаній, аўтара шасці кніг, прысвечаных праблемам дэмакратычнай тэорыі і метадалогіі вывучэння грамадскага мер-

кавання. У.Рашэр адзначыў, што кансерватыўны рух пачаўся ў ЗША ў 1950-х гадах як кааліцыя паміж лібертарыянскімі эканамістамі, традыцыяналістамі (у тым сэнсе, які ўкладваў у гэты тэрмін Э.Бэрк) і прыхільнікамі прынцыпаў халоднай вайны, якіх аб'яднала варожасць да лібералізму. Рух развіваўся на працягу трыццаці гадоў і атрымаў перамогу ў 1980 г., калі прэзідэнтам стаў Р.Рэйган. Амерыканскія кансерватары лічаць, што неадкладнага вырашэння патрабуюць наступныя праблемы: развіццё высокатэхналагічнага грамадства, калі некваліфікаваная праца перамяшчаецца за мяжу; банкруцтва праграм сацыяльнай абароны; неадкладная патрэба рэфармавання сістэмы сацыяльнай аховы; маральнае адраджэнне краіны. Д.Дэвін паказаў схему развіцця амерыканскага кансерватыўнага руху. Асноўнымі рысамі амерыканскага кансерватызму ён лічыць апору на індывідум у супольнасці, вызначэнне розніцы паміж дзяржавай і супольнасцю, недавер, нават страх перад усемагутнай дзяржавай, боязь масаў, прыхільнасць да прынцыпу падзелу ўлады і федэралізму, павагу да рэлігіі і традыцыі, імкненне змагацца за ўсталяванне «маральнага парадку», і, разам з гэтым, — патрабаванне захаваць свабодны рынак, неўмяшання дзяржавы, нізкіх падаткаў і г.д. Гэтыя прынцыпы сталі вядомыя грамадскасці праз працы і выступы Ф.Гаека, Дж.Оруэла, Б.Голдуотэра. Іх пашырэннем і прапагандай займаліся такія выданні, як «National Review», «The Freeman», «Modern Age» і інш. Былі створаныя таксама кансерватыўныя арганізацыі, маладзёжныя і перадвыбарныя, а таксама фонды, якія займаліся фінансавай падтрымкай руху. Усё гэта дало магчымасць згуртаваць традыцыяналістаў, лібертарыянцаў, антыкамуністаў, дэмакратаў Поўдня (папулістаў), маралістаў і новых правых на аснове ідэй, прапанаваных нэакансерватарамі. Наступным крокам было стварэнне часовых кааліцый з рознымі сацыяльнымі групамі — банкірамі, будаўнікамі, уладальнікамі гатэляў і рэстаранаў, дробнымі бізнэсменамі, фундаменталістамі і інш. Усё гэта і стала асновай перамогі кансерватараў.

Трэба адзначыць, што на семінары вельмі часта вяліся дыскусіі адносна правамернасці самога паняцця «амерыканскі кансерватызм». Вучоныя і палітыкі Старога свету імкнуліся даказаць, што разуменне кансерватызму ў Амерыцы адпавядае паняццю еўрапейскага лібералізму (Э.Морцімер, рэдактар лонданскай «Financial Times»), што кансерватызм не можа паўстаць у ЗША з прычыны адсутнасці феадальнага мінулага (Ё.Йофэ).

У краінах былога савецкага блоку з кансерватызмам звязаныя зусім іншыя праблемы. Некаторыя даследчыкі лічаць кансерватарамі камуністаў-рэваншыстаў (Б.Капусцін, вядучы навуковы супрацоўнік інстытуту філасофіі РАН), ёсць погляды, што нашчадкамі кансерватыўнай традыцыі могуць быць хрысціянска-дэмакратычныя блокі (В.Дойкаў, член балгарскага парламенту). Але больш слушным здаецца погляд, выказаны латышскім вучоным Ільзе Островска (прафесар факультэту сацыялогіі Латвійскага ўніверсітэту). Яна адзначыла, што ў краінах былога СССР палітычныя прынцыпы, зафіксаваныя ў праграмах сучасных палітычных партый, валодаючых рэальнымі рычагамі ўздзеяння на палітыку, маюць для іх другаснае значэнне, асноўнае ж — перадзел уласнасці. І ў гэтым, здаецца, асноўная прычына паражэння новых палітычных партый: яны не могуць прапанаваць ідэялогію, здольную прывабіць выбаршчыкаў.

Як вядома, акрамя прыведзеных, існуюць і іншыя погляды на статус кансерватыўнай ідэялогіі. Некаторыя даследчыкі лічаць кансерватызм сітуацыйнай ідэялогіяй, г. зн. такой, якая паўстае кожны раз, калі ў грамадстве адбываюцца важныя змены; змест такой ідэялогіі цалкам залежыць ад накірунку гэтых зменаў і вызначаецца толькі як імкненне захаваць тое, што змяняецца ці знішчаецца; таму кансерватызму як такога не існуе, а ёсць толькі вялікая колькасць «кансерватыўных рэакцый», розных па зместу і накірунку. Існуе таксама погляд на кансерватызм як на гістарычны фенамен пачатку XIX ст., які быў звязаны з канкрэтнымі гістарычнымі падзеямі; паняцце «сучасны кансерватызм» для прыхільнікаў такога погляду з'яўляецца нонсэнсам.

Упершыню надрукавана ў часопісе:
БЕЛАРУСКІ ГІСТАРЫЧНЫ АГЛЯД, том 3, сшытак 2 (снежань 1996)

SUMMARY

Editorial Page

According to Mikhail Plisko, the main feature of the Belarus development is a deep internal conflict between the opposition seeking to establish democratic values in the society, and the ruling regime, which unleashed a wide-scale attack against the freedom of speech, private property, local government, etc. That is why this conflict is fundamentally different from the contradictions between competing political forces (for example, conservatives and social democrats) in the democratic society. The opposition, when it decides to compete in the upcoming elections, must make sure that the elections will be free and democratic. That is why the opposition must get an access to electronic media controlled by the state, the political parties must take part in the formation of the election commissions. On another side, the opposition should not prematurely declare its refusal to participate in the elections, instead, it should rally support of the society and to force the authorities to make concessions. Only when the concessions are impossible the boycott should be declared.

The Privatized State

by Valery Karbalevich

President Lukashenko defined the model of the state he intends to build in Belarus as the «efficient state.» His model is built on the assumption that it is the will of the people rather than objective factors that determines the development of society. The authoritarian and even totalitarian regime is the best match for such an concept. His model of the state is nothing more than a poor copy of an old Soviet model. Lukashenko's strategy of state building completely disregards the rule of law; instead, it justifies any illegal action of the government by its expediency. Attempts to put everything, including private sector, NGOs, mass media, etc., under his direct control have led to de-facto creation of a police state in Belarus. The prerogatives of punishing bodies are virtually unlimited. The intellectual potential of the state apparatus is destroyed by the prevalence of loyalists rather than professional in every branch of the government at every level. Lukashenko's personal control over business empires created during his rule signals about his attempt to privatize the state, which, together with his continuous efforts to put the civil society under control of the government completes the framework of the authoritarian regime in Belarus. This socio-economic model cannot normally function, as it destroyed all mechanisms of self-regulation in the society. Hence, the most routine problems, such as food supplies or harvest campaign, turn into emergency situation. The crisis and eventual collapse of such system is imminent.

The new election law in Belarus
round table

The round table dedicated to the new election legislation was attended by former speaker of Supreme Council Mecheslav Grib, chairman of all-Belarusian club of voters Vladimir Gudeev and editor-in-chief of «Open Society» bulletin Mikhail Plisko. The draft Law on Elections of Deputies of Local Councils prepared by the Administration of President was analyzed. Participants agreed that the proposed law is less democratic than the currently acting law or similar Russian legislation. The main flaw of the project is its lack of transparency. If it is enacted, the society will have no chance to conduct a parallel vote count.

Participants emphasized that the control over elections needs to be established, and that the law should be adopted by a body whose legitimacy is not doubted by the Belarusian opposition or by international organizations. Only when these conditions are met the Belarusian opposition will be able to take part in elections.

Criteria for the efficient economic legislation

by Alexander Dobrovolski

The success of economic reform requires more then only a set of «right» economic policies. The reform of business legislation is one of the most serious problems that causes failure of most correct economic ideas. The efficiency of business legislation should be judged by the influence of its content, not just form, on the efficiency of activity that this legislation regulates. Efficient legislation promotes profit maximization, reduces costs of business operation, protects property, guarantees implementation of contracts. The business legislation in Belarus is plagued with inefficiency. It creates high entry barriers for businesses and legal loopholes, which gives rise to bureaucratic arbitrariness and pushes much of the business sector into a shadow economy. In order to increase efficiency of economic legislation, a profound expert analysis of every bill or normative order is required to minimize transaction and social costs of the legislation.

Civil Society as a Varian of a New Social Utopia?

by Vyacheslav Bobrovich

The article characterizes the idea of the civil society as one that had played the role of utopia and then turned into a factor of social reality in the Western society in past two centuries. It is still unclear whether the same idea can play a similar role in the process of democratization of public life in Belarus. Belarus lacks the centuries of experience with functioning civil society that Western societies had. However, the impact of Russia and the West, to which Belarus becomes increasingly exposed, the advance of post-industrial society and of postmodern culture allows for both «bottom-up» and «top-down» «breeding» of the civil society. The idea of civil society should be placed in the center of civil education in Belarus. This will make possible re-orientation of the society toward a new set of values, such as human rights, market economy, and democracy.

Conservatism in modern societies

by Maryna Sakalova

The article reviews the results and proceedings of the conference «Conservatism in modern Western societies», which took place in Salzburg in November 1996.

НАШИ АВТОРЫ

БОБРОВИЧ Вячеслав Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Республиканского института высшей школы Белгосуниверситета, автор статей по политологии, в 1989 году закончил Московский государственный университет, в 1992 году защитил кандидатскую диссертацию «Политическая идеология германского неоконсерватизма».

ГРИБ Мечислав Иванович, заслуженный юрист Республики Беларусь, первый заместитель председателя Белорусской социал-демократической партии («Народная Грамада»), один из лидеров оппозиционного демократического движения, председатель Верховного Совета Республики Беларусь в 1994 — 1995гг.

ГУДЕЕВ Владимир Казимирович, председатель Всебелорусского клуба избирателей, принимал активное участие в осуществлении общественного контроля в ходе президентских выборов в 1994 г. и ноябрьского референдума в 1996 г.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Александр Ольгертович, юрист, заместитель председателя Объединённой гражданской партии, один из лидеров оппозиционного демократического движения, в 1989 году был избран народным депутатом СССР, с ноября 1995 года — депутат Верховного Совета Республики Беларусь, председатель подкомиссии Верховного Совета Республики Беларусь по средствам массовой информации и связям с общественными объединениями.

КАРБАЛЕВИЧ Валерий Иванович, кандидат исторических наук, один из видных политологов Беларуси, главный эксперт Национального центра стратегических инициатив «Восток-Запад», один из руководителей политического дискуссионного клуба «Современник» во второй половине 80-х гг.

СОКОЛОВА Марина Анатольевна, научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Республики Беларусь, автор статей по консерватизму и либерализму.

OUR AUTHORS

BOBROVICH Viacheslav Ivanovich, Ph.D. in Philosophy, associate professor, department of Political Science and Sociology, Republican Institute of Higher School, Belarusian State University, author of articles on political science themes, graduated from Moscow State University, defended thesis named «Political Ideology of German Conservatism» in 1992.

DOBROVOLSKI Alexander Olgerdovich, deputy chairman of the United Civil Party, one of the leader of opposition democratic movement, elected People's Deputy of the USSR in 1989, elected deputy of the Supreme Council of Belarus in November 1995, chairman of the mass media subcommittee.

GRIB Mecheslav Ivanovich, Distinguished Lawyer of the Republic of Belarus, first deputy chairman of the Belarusian Social Democratic Party («People's Hramada»), one of the leaders of opposition democratic movement, Chairman of Supreme Council of the Republic of Belarus in 1994-1995.

GUDEEV Vladimir Kazimirovich, chairman of the All-Belarusian Club of Voters, he took an active participation in implementation of public control in presidential elections in 1994 and in the November referendum in 1996.

KARBALEVICH Valery Ivanovich, Ph.D. in History, one of the leading political scientists in Belarus, senior expert of the National Center of Strategic Initiatives «East- West», one of the leaders of the «Sovremennik» discussion club in late 1980s.

SOKOLOVA Marina Anatolievna, research associate at the Institute of History at the National Academy of Science of Belarus, author of articles on conservatism and liberalism.

Перечень материалов, содержащихся в №№ 1-4 бюллетеня «Адкрытае грамадства» за 1998 г.

Contents of previous issues of the «Open Society» bulletin

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ !

С марта 1996 года Фонд «Адкрытае грамадства» издает информационно-аналитический бюллетень, который с января текущего года по решению правления Фонда получил новое название — «Адкрытае грамадства». В бюллетене публикуются как специально написанные для «Адкрытага грамадства» оригинальные статьи и исследования по обществоведческой проблематике Беларуси, так и наиболее интересные материалы из других аналитических и периодических изданий.

В настоящее время бюллетень «Адкрытае грамадства» бесплатно рассылается видным политикам, экономистам, социологам, политологам и публицистам как в Беларуси, так и за её пределами.

Кроме текущего номера редакция имеет возможность выслать по электронной почте материалы, содержащиеся в предыдущих номерах бюллетеня, а также ксерокопии отдельных статей.

Желающие опубликовать свои материалы в бюллетене «Адкрытае грамадства» должны предоставлять их на дискетах (3,5 дюйма), а также по электронной почте в текстовом формате или в формате Word (6.0 и 7.0) объёмом, не превышающим 15 страниц компьютерного набора шрифтом Times New Roman Cyr или Arial Cyr (12 кегль).

Рукописи, машинописные материалы, распечатки, сделанные на принтере, не рецензируются и обратно не высылаются.

Редакция «Адкрытае грамадства» надеется, что знакомство с материалами нашего издания будет для Вас полезным и окажет помощь в Вашей работе. Будем Вам очень признательны, если Вы направите в адрес редакции предложения, которые позволят сделать бюллетень более содержательным и интересным.

DEAR READERS!

The Open Society Foundation publishes its information and analytical bulletin since March 1996. The bulletin was renamed as Open Society according to the decision of the Board of the Foundation. The bulletin includes both original articles that were exclusively written for the «Open Society» and the most interesting publications from other analytical periodicals.

Nowadays, the «Open Society» bulletin is sent free of charge via e-mail to prominent political figures, economists, sociologists, political scientists, and publicists in Belarus and abroad.

We can send you the contents of previous bulletins via electronic mail or in photocopies. If you wish to publish in the «Open Society» bulletin, please present your material (15 pages maximum, font Times New Roman Cyr or Arial Cyr, font size 12) on floppy disc (3.5") or send it via e-mail in Word format (6.0 or 7.0).

We do not review and do not send back manuscripts, typewrote materials, or printouts.

The editor of the «Open Society» bulletin hopes that your acquaintance with our edition will be fruitful and helpful in your work. Your comments and advise about the ways to improve the quality of the bulletin and to make its content more interesting are welcome.

Адкрытае грамадства, 1998, №5 (107). Информационно-аналитический бюллетень.
Издается Фондом «Адкрытае грамадства» с марта 1996 г. один раз в два месяца. Тир. 99 экз.
При перепечатке ссылка на бюллетень «Адкрытае грамадства» обязательна.
Мнения авторов опубликованных материалов могут не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор ***Михаил ПЛИСКО***
Корректор ***Алёна КОЛЕСНИКОВА***
Дизайн ***Александр АСТРАВУХ***
Перевод на английский язык ***Виталий СИЛИЦКИЙ***

Адрес для почтовой корреспонденции: 220033 г. Минск, а/я 194, Фонд «Адкрытае грамадства».
Телефон для связи : + 017- 229-08-34. Факс : + 017-227-29-12
E-mail: ucp@ ucp. minsk. by.
Изготовлено на оборудовании Фонда «Адкрытае грамадства».
Распространяется на правах внутренней документации.